

Колдовские
М И Р Ы

ОЛИВИЯ ШТЕРН

ЕЕ НЕЖЕЛАННЫЙ
ЛОРД

Колдовские миры

Оливия Штерн

Ее нежеланный лорд

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Штерн О.

Ее нежеланный лорд / О. Штерн — «Эксмо»,
2020 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-107934-5

Бьянка и представить себе не могла, во что выльется ее участие в заговоре против короля. Ее репутация разрушена, ни один мужчина из приличной семьи не взглянет в ее сторону. Ни один... кроме того, кто сломал и растоптал ее жизнь. Но истинные леди не сдаются! И тот, кто пожелал взять ее в жены, еще узнает, каково перейти дорогу Бьянке Эверси. А тем временем в столице неизвестный маг убивает девушек, и ходят слухи, что это дело рук самой королевы. Старые тайны, череда страшных событий... Неведомый паук плетет паутину, в которую так легко угодить. И только один человек способен распутать хитросплетения интриг – тот, кого Бьянка ненавидит слишком сильно, чтобы оставаться равнодушной.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107934-5

© Штерн О., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Оливия Штерн

Ее нежеланный лорд

© Штерн О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Сегодня ее поцеловал король.

Злые языки, правда, нашептывали, что никакой это не король, а самый что ни на есть узурпатор и что отнюдь не он должен был унаследовать корону, но... Бьянка предпочитала в подобных вопросах полагаться на папеньку и маменьку. Им виднее, кто король, а кто – нет. А если уж сам папенька намекнул, что было бы недурственно породниться с династией Фаблур, то стоит ли слушать завистливые шепотки неудачниц?

Граф и графиня Эверси отбыли на торжественный прием, Бьянка маялась, сидя перед трюмо и рассматривая собственное отражение. Отложила пуховку, захлопнула пудреницу. Скучно. А на душе еще и гадко под стать погоде: в каминных трубах надрывно воет ветер, темное небо яростно швыряется в окна пригоршнями колючего снега.

Под ребрами тугим комом свернулось недоброе предчувствие. Оно ворочалось, толкалось, кололо под сердцем, и руки леденели, а во рту разливался отвратительный кислый привкус.

Наверное, все из-за этого несостоявшегося разговора с матерью. Хотела ведь только спросить, как себя вести с королем, что ему стоит позволять, а что нет.

– Маменька? Могу я с вами поговорить?

Графиня отдыхала на кушетке, и Бьянке очень хотелось уткнуться лицом в пышный подол материнского платья, так, как она это привыкла делать.

– А, это ты, дорогая, – прохладно отозвалась графиня, – иди, мне не до тебя сейчас. Голова побаливает, а нам с отцом собираться надо.

– Но, маменька... я хотела...

– Завтра поговорим, если так нужно, – графиня ответила с той ледяной вежливостью, с которой при дворе говорят с ненавистными врагами.

Бьянка аккуратно прикрыла дверь и побрела к себе. Она порой мечтала, чтобы мама относилась к ней как-то по-иному. Но это «по-иному» не складывалось во что-то конкретное. Бьянка понятия не имела, как матери относятся к дочерям в других семьях, знала лишь, что ее родители больше любили старшую, Виолу, у них с Бьянкой была разница в пятнадцать лет, и Виола в доме почти не появлялась, у нее муж и дети. А еще родители очень хотели мальчика, наследника, а родилась Бьянка. Потом и вовсе выяснилось, что после Бьянки графиня больше не может иметь детей. В общем, как-то не срослось с наследником.

Предчувствие дурного повисло в воздухе, словно невидимая липкая паутина, мерзко щекотало кожу, разбегалось по телу мурашками и то и дело заставляло облизывать пересыхающие губы.

И Бьянка решилась, взяла серебряный колокольчик и позвонила. Тотчас же приоткрылась дверь, в комнату заглянула Тутта, ее личная служанка.

– Отец и матушка уже уехали? – спросила Бьянка.

– Да, мисс. Час назад. Обещали быть к утру.

Бьянка задумчиво кусала губы. Гадкое предчувствие надвинулось, грозя раздавить.

Ну, в самом деле, что за глупости. Папенька и маменька всего лишь отбыли на прием в честь кого-то там.

– Тутта, а что у нас сегодня к ужину? – спросила она.

– Овсяная каша с сушеными фруктами, – без промедления отчеканила девушка.

Бьянке до смерти надоело питаться листьями салата и несладкой кашей, но маменька была убеждена в том, что только изящная девушка может найти приличного мужа. Или стать фавориткой – а потом и женой короля.

Но сейчас... Строгая графиня Эверси отсутствовала.

– Не буду кашу, – вышло довольно резко, Тутта вздрогнула, – послушай... Сбегай купи мне пончиков с шоколадом. А еще корзиночек со взбитыми сливками и вареньем. Вот, иди сюда, возьми...

И поскольку ближайшая пекарня была довольно дорогой, Бьянка добыла из шкатулки серебряную полукрону и протянула служанке.

– Сдачу себе оставь.

– Хорошо, мисс. Сию минуту, мисс.

Бьянка снова осталась одна. А так как до возвращения Тутты делать было все равно нечего – да и не хотелось, – предалась воспоминаниям о королевском поцелуе. Что и говорить, это оказалось неожиданно и приятно. Опыта в подобных вещах у Бьянки не имелось совершенно никакого, ну разве что самую малость. И теперь она терялась в собственных переживаниях и ощущениях, король ведь был красивым мужчиной, высоким, сильным, с открытым благородным лицом и глазами чудесного зеленоватого оттенка. Правда, немного подозрительным выглядело то, как непредвиденно он занял место отца, а отец его как-то глупо и внезапно погиб, растерзанный своими же механоидами. И младший брат короля пропал куда-то из дворца, милый принц с мягким нерешительным взглядом. Впрочем, такие вещи, как говаривал папенька, не должны занимать умы юных девиц. Ну, король и король. Ну, пропал и пропал принц, бывает.

До этого Бьянка только разок целовалась с младшим сыном виконта Шико, и было это лет этак пять назад. В присутствии короля Бьянка начинала себя чувствовать шарнирной куклой, ей казалось, что она все делает не так, да и неуклюжа. А папенька сказал, что надо бы очаровать. А как, никто не объясняет.

За окном стемнело, мокрый снег перешел в дождь, и крупные капли барабанили по стеклам и отливам. Тутты все не было, в душе поднималось вялое раздражение. Где носит эту девку?

Бьянка прошлась по комнате, придирчиво осматривая ковер. В потемках не видно, что он уже изрядно старый и потертый, поменять бы, но... Дела семейства сейчас обстояли не очень. Совсем даже.

Наконец она услышала за дверью торопливые шаги. Мимходом подумала, что Тутта, маленькая и легонькая, топает как слон. Скрипнули петли, и Бьянка, не оборачиваясь, процедила:

– Долго ходишь. Поставь на столик рядом с кушеткой.

Судя по звукам, дверь аккуратно прикрыли. А потом низкий и совершенно незнакомый мужской голос произнес:

– Вместо корзинок яблочный штрудель.

Кровь резко прилила к голове, а крик, на удивление, застрял в горле. Бьянка медленно обернулась. В комнате, перегородив подступы к двери, стоял совершенно незнакомый мужчина. Огромный, как скала. И до отвращения бородатый. И вообще, с виду совершенный простолудин. В мощной руке он держал пухлый сверток.

Стремительно падая в темноту, Бьянка только и успела заметить на свертке фирменный оттиск той самой пекарни, куда отправляла Тутту.

Глава 1

Фаворитка и заговор

Едкая боль вгрызлась в щеку, и муть, в которой висела Бьянка, дрогнула. Затем еще раз боль – и как будто взболтнули банку с желе. Серое нечто перед глазами дрогнуло и скользнуло в сторону, оставив размытые пятна, которые медленно приобретали форму...

Снова этот мужлан. И, провались все в царствие Темнейшего, он бил ее по щекам. Простолудин, отвратительный, вонючий простолудин! Ее, Бьянку Эверси, ведущую свой род от первых королей островного королевства Рехши!

От возмущения она даже забыла, что нужно бояться, и в тот миг, когда широкая мозолистая ладонь взлетела, чтобы в очередной раз хлопнуть по щеке, Бьянка кое-как подняла ватную руку и вцепилась ногтями в запястье незнакомца. Вцепилась бы... Увы, руки еще толком не слушались, и мужчина перехватил и больно сжал запястье, так, что она почти услышала хруст собственных костей.

– А, красотуля очнулась, – удовлетворенно сказал мужлан и усмехнулся в бороду.

Бьянка во все глаза его рассматривала и одновременно пыталась понять, какого Темного этот наглец и бандюга делает в их доме.

«Если бы хотел убить, то уже убил бы», – сообразила она. Это обнадеживало. Совсем чуть-чуть.

Тем временем он отпустил ее руку, и Бьянка, кое-как оглядевшись, поняла, что лежит на кушетке, что под голову заботливо подложена подушечка, и платье – хвала Всеблагодару – в полном порядке. Взгляд снова метнулся к незнакомцу, Бьянке на миг показалось, что где-то она его видела.

«Может, я обидела его отказом? – Мысли уже вертелись в привычном темпе. – Но, хм, я не помню, чтобы этот медведь подкатывал ко мне с предложением руки и сердца. А может быть, подкатывал к папеньке, и папенька совершенно справедливо отправил его куда подальше?»

Ответа не было, но, однако, следовало что-то предпринимать.

Она откашлялась, прочистив горло, и процедила:

– Кто вы такой и что вам нужно?

Получилось жалко, как мяуканье новорожденного котенка.

– Мисс пока необязательно знать, кто я. Важно то, чего я от вас хочу.

– Только посмейте причинить мне вред, – силы быстро возвращались, и Бьянка даже огрызнулась, – поутру вернутся мои родители, и тогда – о, тогда вы ответите за все!

Мужчина смерил ее задумчивым взглядом, и взгляд этот Бьянке очень не понравился. Как будто этот... медведь именно сейчас и прикидывал, а что бы такого интересного сделать с распростертой на кушетке хрупкой девушкой. Она посмотрела на его широкие плечи, на мощные руки и с тоской признала, что незнакомец может с ней сделать что угодно. Свернет шею, как цыпленку.

А еще у мужчины были темные глаза, и они-то Бьянку и пугали. Суровый, тяжелый взгляд.

– Ваши родители не вернутся утром, – совершенно спокойно сказал мужчина, склонившись к ней.

– Что?!! Вы... вы лжете!

– Вовсе нет, – снова этот ужасающе спокойный, холодный тон. – Ваши родители вернутся домой только тогда, когда мои люди их отпустят. А мои люди их отпустят тогда, когда я прикажу.

В горле вдруг запершило, и Бьянка поняла, что сейчас расплатится от злости и бессилия что-либо изменить. Она изо всех сил сжала кулаки и прикусила губу. Боль немного отрезвила.

– Это... это низко. – Девушка села на кушетке. – Вы грязный мужлан, вы отродье...

Боль, обжегшая губы, оказалась настолько острой и обидной, что слезы так и брызнули из глаз.

– Хорошие девочки не разговаривают так, – зло процедил мужчина, – а если разговаривают, то получают по губам. Полагаю, мы поняли друг друга?

Она всхлипнула. Все это было... настолько ужасно, настолько унижительно, что стало невозможно сдерживаться. По щекам покатились слезы, горячие, соленые.

– Что... вам нужно? – наконец спросила Бьянка. – Что вы хотите, чтобы отпустить родителей? Денег? Но у нас их не так уж и много...

И вздохнула. Денег и вправду было совсем немного, и если этот медведь потребует большую сумму... что тогда?

Просить у короля?

Или броситься к нему с мольбой поймать опасного преступника, который пленил ее папеньку и маменьку?

Сердце трепыхалось в груди и болело. А вдруг эти люди убьют родителей?... Нет-нет. Как же она тогда? Без них?!! И без того обманула все ожидания, родилась вместо мальчика...

Медведь нагло ухмыльнулся, смерил Бьянку взглядом, полным холодного презрения.

– Мне нужно, чтобы вы, мисс, залезли в постель его величества. А потом, воспользовавшись ситуацией, поменяли амулеты, которые он носит на шее, вот на эти.

И продемонстрировал плоскую коробочку размером с ладонь.

– Но... – пискнула огорошенная Бьянка.

– Мне говорили, что вы неглупая женщина. – Мужчина снова гадко ухмыльнулся. Бьянке захотелось вскочить и вцепиться ему в лицо ногтями, исполосовать в кровь, стереть гадкую высокомерную усмешку. – И еще я знаю, что вы крутитесь вокруг нашего узурпатора, а ваши почтенные родители не упускают ни одной возможности, чтобы продемонстрировать ему ваши достоинства. Полагаю, вы понимаете, что нынешний король не имеет прав на престол, м? Впрочем, неважно. Так вот, вам придется... помочь нам. Чтобы было все правильно, и чтобы королем стал наследный принц Шедар Фаблур, а не этот выскочка. Надеюсь, что в вашей голове мозгов чуть больше, чем у курицы. Вам понятно, что от вас требуется?

– Но как я это сделаю?!! Как?!! – она сорвалась на крик. – Я... вы хотите, чтоб я его соблазнила... Но клянусь, я не умею! Я еще никогда...

И поняла, что сболтнула явно лишнего. Кровь прилила к щекам, и Бьянка со стоном спрятала лицо в ладонях.

– Что-то мне начинает казаться, что меня обманули, когда говорили о вас как о неглупой, – с притворным сочувствием вздохнул медведь. – Но раз уж вы сами не догадываетесь, что нужно делать, то я подскажу. Перед тем как отправляться в постель, дайте королю качественного снотворного. Что-нибудь из того, что продают маги. А потом делайте то, что мне нужно. Я не думаю, что все будет настолько сложно. Вы все равно нарежете круги вокруг его величества, как акула вокруг утопающего. Еще один крошечный шагочок – и можете смело стягивать штаны с королевской задницы.

– Да вы просто... – она задохнулась, растеряв способность говорить.

– Оставим высокие слова для светских раутов, леди Эверси.

Он повернулся, оглядел комнату. Затем взял ее руку в свою и с силой вложил металлическую коробочку.

– Помните, Бьянка. Вы увидите ваших родителей только тогда, когда отдадите мне артефакты, снятые с шеи короля. Не раньше.

– А если у меня не получится? – Она непроизвольно сжала пальцы на теплой шершавой поверхности.

Во взгляде мужчины что-то полыхнуло. Ненависть? Злость?

«Но почему? Что я такого ему сделала?»

– Тогда я убью их, – сказал он медленно, – и они будут умирать долго. Я буду резать их на куски и эти куски присылать вам. Так что, Бьянка, в ваших интересах очаровать короля настолько, чтобы он вам доверился. И побыстрее. У вас три дня.

– Что это за амулеты на нем? – просипела она. – Почему они так важны?

– Слишком много пищи для вашей пустой головы. Но в целом... они делают узурпатора Ксеона почти неуязвимым. А остальное уже не ваша забота, Бьянка. Сделаете то, что от вас требуется, – получите ваших драгоценных родителей обратно.

И снова кривая усмешка, от которой хочется кричать, царапаться, исполосовать в лапшу эту наглуемую рожу.

Бьянка прикрыла глаза. И все же... Сейчас она скажет ему, а он пусть выслушает, хоть и разобьет ей губы в кровь.

– Вы чудовище. Это настолько низко... недостойно человека... угрожать...

– Времена такие, мисс. – Теперь он стал совершенно серьезен, а в глазах появился опасный металлический отблеск. – Уверяю вас, дальше все будет еще интереснее. Вам понравится.

– Откуда я могу знать, что мои родители действительно у вас? – спросила она.

Не говоря ни слова, мужчина полез в карман сюртука и достал оттуда перстень-печатку с вензелем Эверси. Это был особый перстень, матушкин, и Бьянка знала, что вечером она уезжала с ним.

– Полагаю, этого довольно?

Она проглотила вязкую слюну и кивнула.

* * *

Тутта вернулась под утро, когда Бьянка, наредевшись всласть, доедала штрудель. Пончики к тому времени тоже закончились.

– Госпожа! Хвала Всеблагому, с вами ничего не случилось! – Рыдая, девушка упала на колени, обнимая ноги Бьянки. – Я так боялась, так боялась!

– С тобой-то что приключилось? – только и спросила Бьянка. – Где всю ночь была?

– На меня напали. По дороге в пекарню, миледи. Отвратительные, грязные городские крысы... Я уж думала, что не вернусь.

– Понятно. – Бьянка вздохнула и поинтересовалась на всякий случай: – Они тебе ничего... гм... не сделали?

Тутта покраснела и сникла.

– Нет, мисс. Их главарь сказал, чтоб ни один волос... с моей головы...

– Понятно, – повторила Бьянка. – Свари мне кофе и приготовь платье... знаешь, то, слоновой кости, с ависийским кружевом. Да передай, чтоб заложили карету. Поеду во дворец. Заплаканное лицо служанки вытянулось в удивлении.

– Прошу прощения, мисс, а как же ваши родители? Скоро ведь вернутся.

– Боюсь, они задержатся. Ну, все, все. Займись делом...

Бьянка остановилась перед большим, в полный рост, зеркалом. Оттуда на нее жалобно глядела тоненькая блондинка с покрасневшими глазами и распухшим носом. Бьянка хмыкнула. Тот еще вид, как раз чтобы короля соблазнять.

– Тутта! Тут-та! Принеси ромашковую воду и лед! Да побыстрее, не спи на ходу!

Потом она долго приводила в порядок лицо. Успокоительные примочки и кубики льда на кожу сделали свое дело: покраснения ушли, и из зеркала на Бьянку снова высокомерно

взирала светлокочая холеная аристократка с яркими, словно зимнее небо в солнечный день, глазами. Вот такой она привыкла быть, ловить восхищенные взгляды придворных, слышать завистливые шепотки за спиной. Ей казалось, что именно такая – холодная, неприступная и острая на язык – она будет достойна если не любви, то хотя бы родительской гордости. И, может быть, забудется тот неприятный случай, когда у Бьянки из-под носа увели очень интересного жениха, верховного инквизитора королевства, а ее это так взбесило, что она не погнушалась на женушку этого инквизитора потом натравить карманного механоида. Нехорошо, конечно, вышло. И механоида потеряла, от маленького дракона остались лишь обломки, и с инквизитором разругалась, и даже в тюрьме побывала. Папенька устроил выволочку и попенял на отсутствие мозгов. А Бьянка плакала у себя в спальне и все думала, думала о том, что ей очень хотелось, чтоб верховный инквизитор любил именно ее. Чем она хуже той, которую он выбрал в жены? Лучше ведь, в самом деле...

Тутта подготовила платье, нижнее белье и туфельки. С досадой Бьянка отметила, что подметки изрядно стоптаны, только и оставалось надеяться, что никто не заметит. Затем Тутта помогла уложить волосы пухлым узлом на затылке, при этом выпустив у лица два игривых локона. Бьянка слегка припудрилась, отчего кожа заиграла нежным перламутром, подкрасила глаза и добавила капельку нежно-розовой помады на губы. Оставалась самая малость: в миниатюрную атласную сумочку она уложила коробку с артефактами, что передал тот негодяй и мерзавец. Потом, немного подумав, заглянула в комнату маменьки и из прикроватной тумбочки добыла маленький хрустальный пузырек. Матушка частенько мучилась бессонницей, и Бьянка самолично порой отмеряла в воду капли драгоценного снадобья. Действовало оно очень быстро и безотказно. Несколько минут – и глаза закрывались, и маменька попросту проваливалась в сон, даже если до этого разговаривала.

...После она тряслась в карете, с тоской размышляя о том, что поди поймай этого короля. У него ведь своих дел предостаточно, чтоб еще и с ней возиться. Но выбора не было. Как там сказал этот мужлан? Либо графскую чету по частям, либо в постель к его величеству и артефакты подменить. Король – или узурпатор, или кто он еще там – просто чужой мужчина, с которым она ухитрилась поцеловаться и на дальнейшую судьбу которого, по большому счету, наплевать. А родители все же были ее родными, хоть и мечтали о мальчике.

Бьянка поймала себя на том, что даже не посмотрела, что ж там за артефакты. Достала коробочку, подцепила ногтем крышку. Внутри лежали две невзрачные серебряные пластинки с отверстиями, в которые предположительно можно было продеть шнурок.

«Всего-то», – с легким разочарованием подумала она и захлопнула крышку.

Денек предстоял нелегкий.

И Бьянке даже думать не хотелось о том, что произойдет, если снотворное по каким-то причинам не подействует. Разумеется, чисто теоретически она вполне представляла, что происходит между мужчиной и женщиной, но... но... было немного страшно переступить эту черту. Да и место королевской любовницы уже не прельщало, как-то не вовремя вспыхнула гордость, да еще воспоминания о том, что род Эверси – один из самых старых и уважаемых.

Она тряхнула головой и приказала себе собраться и действовать.

Тем более что карета как раз остановилась у парадного подъезда.

* * *

Бьянка любила бывать во дворце, особенно при прежнем короле Маттиасе. Возможно, так сложилось потому, что и сама она тогда была куда более юной и беззаботной. А возможно, у папеньки денег водилось больше в то время, да и сам король частенько баловал придворных всяческими забавами. Одни фейерверки в день зимнего солнцестояния чего стоили! Еще в детстве Бьянка впервые увидела, как в ночном небе над столицей расцвели невиданной кра-

соты цветы. Она и представить себе не могла, что самые обычные, изготовленные артефактами смеси порождают такое великолепие. А парад механоидов, огромных, тускло блестящих металлическими пластинами? А балы? Тарталетки с салатами, которые можно было есть. Дома – только овощи на пару, овсянка и кусочек отварной крольчатины. А во дворце – вкусная еда, и маменька ничего не скажет, лишь брови нахмурит... Дворец казался сказочным миром, где обязательно исполнялись все желания. А еще Бьянка точно знала, что белый и голубой тона, в которых выдержана большая часть залов, невероятно идут и ей самой. Хотя и глупо было так примерять на себя королевский дворец, словно платье...

«Или словно ты уже королева».

Она невольно усмехнулась.

Королева, как же.

Его величество вполне удовлетворится тем, что задерет ей подол в темном углу.

«А разве сама ты не этого хотела?»

Разве что в качестве первого шага к королевскому трону.

Но теперь... понятное дело, что после того, как она подменит артефакты, Ксеон точно на ней не женится. Хорошо, если сама она уцелеет.

И тут, шагая по сверкающему паркету, Бьянка задумалась о том, а так ли уж нужно идти на столь великие жертвы ради папеньки и маменьки? В конце концов, они уже и без того немолды и рано или поздно отправятся на небеса. Может быть, самое время быть разумной и рассказать обо всем королю-узурпатору?

От этих мыслей лицо залилось краской стыда, а в душе появилось ощущение, что сама она медленно и неотвратно сползает в черную вязкую грязь.

Нет. Все же это были ее папенька и маменька. Она вернет их, чего бы это ни стоило.

...А потом ей несказанно повезло.

Король Ксеон размашистым шагом спешил куда-то. За ним, на расстоянии нескольких шагов, следовали гвардейцы. Его величество пребывал в глубокой задумчивости, вокруг не смотрел и блондинку в платье с ависийским кружевом не заметил.

Бьянка глубоко вдохнула. Что ж... Надо попытаться. Ради папеньки и маменьки, единственных на всем свете людей, которые хоть и не выказывали великой любви, но, однако ж, и не предавали. А потом... что-нибудь да будет. Короли меняются, придворные остаются.

И она сделала несколько торопливых шагов вперед.

Толчок. Сильный, в плечо. Король так торопился, что попросту не заметил, как ему наперез бросилась маленькая блондинка. Ну а поскольку король был мужчиной довольно крупным, то и удар получился неслабый.

Картинно взмахнув руками, Бьянка вскрикнула и осела на пол.

Ксеон выругался и заскрежетал зубами. Совсем не учтиво, совсем не по-королевски. А Бьянке стало страшно. Ее втянули в игру, в которую она никогда не планировала играть. Только вот не выбраться теперь, не выполнив требуемого...

– Вы! – только и сказал он, наклоняясь и протягивая руку. Темно-русые пряди упали на высокий лоб, глаза с прозеленью опасно блеснули. – Какого Темного вы постоянно здесь ошиваетесь, драгоценная моя? Такое чувство, что специально меня подкарауливаете! Вчера ваши старания увенчались успехом. А чего вы сегодня хотите?

Говорил он это зло и без тени улыбки. Горло сжалось в спазме, и Бьянка в замешательстве заморгала. Король подхватил ее под локоть и рывком поставил на ноги. Заглянул в лицо и повторил:

– Так какого Темного вам надо, леди Эверси? Отчего, куда бы я ни пошел, я всюду натыкаюсь на вас? Что. Вам. Надо?!!

И Бьянка, набрав побольше воздуха и дуря от собственной храбрости, выдохнула:

– Вас... ваше величество.

Ксеон отпрянул от нее так резко, словно вместо великолепной прически на голове у Бьянки кишели змеи. Затем почесал фигурно стриженную бородку, окинул Бьянку оценивающим взглядом и скупой улыбнулся.

– Я смотрю, вы решительно настроены, дорогая. Вы уверены, что это именно то, что вам нужно? Я ведь не настаиваю на подобных, хм, отношениях. Вы же из весьма уважаемой семьи, что скажет маменька?

Бьянка ощутила, что падает – падает в бесконечную темную нору.

От ощущения полета дух захватывало, это было одновременно и страшно, и прекрасно... почти как королевский фейерверк. Ксеон далеко не дурак, очень быстро раскусит ее притворство. Но она должна. Ради них, единственных близких.

– Да, ваше величество, – взволнованно выдохнула она, приоткрыв губы и скользнув по ним кончиком языка, – уверена. Еще со вчерашнего дня уверена, вы были убедительны. Очень убедительны.

О том, что так можно сделать, Бьянка вычитала в каком-то дешевом романе. И король стал первым мужчиной, на котором она была вынуждена опробовать эту глупость.

На самом-то деле он ей даже нравился. Молодой, красивый, высокий, стройный. Мечта, а не мужчина. И глаза необыкновенные, мохово-зеленого теплого оттенка. Да и вообще, король. Но чтоб вот так, в постель, по заказу... Страх просачивался в сознание ледяными струйками, парализуя волю. Страх неизвестности и боли.

Прикусив губу, Бьянка провела пальцами по линии выреза платья. Пальцы ощутимо дрожали. Ксеон молча следил за ее рукой. Потом перевел взгляд на лицо, и Бьянка вдруг прочла в его зеленых глазах мрачную решимость.

– Что ж... Леди Бьянка. Коль вы решили, то так тому и быть. Я не буду отказываться от столь изысканного блюда. Извольте следовать за мной. Отвлекусь от своих дел, и все ради вас, дорогая.

Сцепив руки за спиной, он продолжил свой путь. Вздыхнув, Бьянка засеменила следом.

Она не могла понять, что с ней творится. То смрадной волной накатывал ужас от всего происходящего, то с головой накрывало отчаянное, бесшабашное веселье, и хотелось глупо хихикать.

«Верно, истерика начинается», – решила она.

Вот сейчас они придут куда-то... вероятно, в королевские покои. И... что дальше?

Она понятия не имела, что дальше делают с мужчинами.

Оставалась слабая надежда на то, что Ксеон возьмет инициативу в свои руки, а у нее будет возможность дать ему снотворного. Иначе... все закончится до ужаса банально.

Снова накатил панический страх.

Нет... она все же попытается.

А если не получится... и загадочные амулеты так и останутся у короля... Что ж, стать официальной королевской фавориткой тоже неплохо. Возможно, это поправит финансовое положение семьи. Но тогда, по словам того мужлана, семьи-то у нее и не будет.

И Бьянка на всякий случай нащупала в сумочке заветный пузырек.

* * *

Внутреннее чутье подсказывало, что Ксеон направился напрямик в спальню. Распахнул перед Бьянкой дверь, сказал с легкой усмешкой:

– Прошу, леди Эверси.

Снова накатил страх, вязкий, удушающий. На самом деле она уже была готова на все что угодно, лишь бы сбежать, да и вообще уехать из столицы. Но папенька и маменька... в плену у отвратительного главаря городских крыс... или кто он там на самом деле... Она неза-

метно ущипнула себя за ладонь, больно, впиваясь в кожу ногтями до бордовых полосок. На глаза набежали слезы, и пришлось моргать быстро-быстро, чтобы, упаси Всеблагий, Ксеон не передумал.

Переступив через порог, Бьянка быстро огляделась. Комната была просторной и светлой. Как и полагалось, изрядную часть ее занимала кровать с резным изголовьем, застланная бархатным покрывалом. В углу, на круглом высоком столике, поблескивали хрустальный графин и тонкие стаканы.

Пальцы судорожно сжали сумочку. Как же... как же незаметно вылить снотворное, а потом еще и напоить им короля?

И она медленно, боком, двинулась в сторону графина. Может быть, Ксеон отвлечется на минутку...

– Вы куда это?

От голоса, в котором плескались раздражение и злость, Бьянка вздрогнула и вмиг покрылась ледяным потом.

Она обернулась, одарила короля тщательно отрепетированной улыбкой светской львицы и прошептала:

– Я подумала, ваше величество, что мы можем начать наше близкое знакомство... м-м... с бокала вина.

Ксеон наблюдал за ней, и его усмешка все больше походила на звериный оскал, алчный, недобрый. В голове Бьянки промелькнула суматошная мысль – да как она вообще могла додуматься крутить хвостом перед ним? Почему он казался ей красивым? Страшный ведь человек, сожрет и косточки выплюнет. Перемелет в пыль. Слишком уж внезапно и глупо погиб предыдущий король. И принц Шедар, милый мальчик с печальными карими глазами, куда-то исчез из дворца.

– Желаете выпить, Бьянка? Что ж, я не против. Хотя мне и не нравится, когда от женщины несет винным духом.

– Немножечко, – пискнула она, – пару глотков. В горле пересохло, простите...

– С чего бы такие переживания? – Ксеон хмыкнул и, о ужас, сам направился к столику. Обронил на ходу: – А вы раздевайтесь, не стоит тратить время даром. Или предпочитаете в одежде?

Перед глазами замельтешили серые назойливые точки, но Бьянка еще раз ущипнула себя за руку. Не паниковать. Только не сейчас.

Из-под ресниц она понаблюдала, как король налил в хрустальный стакан вино. К сожалению, не было возможности подмешать туда маменькиных капель.

– Чего ждем? – Он обернулся. – Возможно, мы попросту не будем тратить время друг на друга, а?

– Н-нет... вы неправильно... поняли, – судорожно просипела девушка и трясущимися руками принялась распускать шнуровку корсета. – Я просто... немного нервничаю, – буркнула она. – Вы должны понять, ваше величество.

И вздрогнула, когда Ксеон подошел сзади и обхватил за талию, прижимая к себе.

– Понимаю, – протянул хрипло. Бьянка растерянно моргнула при виде наполненного стакана. – Выпей, будет легче. Да что ты вцепилась в свою сумочку? – раздраженно добавил Ксеон. – Убери ее, или я уберу сам.

– Позвольте, я положу на столик, – пробормотала она.

По венам растекался сладковатый ужас перед неотвратимым. И самым ужасным из всего была невозможность повернуть назад.

Ксеон разжал объятия, и Бьянка, пошатываясь, наконец подошла к столику. Флакон послушно скользнул в ледяные пальцы, она выдернула притертую пробку и быстро вылила содержимое в открытый графин.

– Что ты возишься? Иди ко мне.

Обернувшись, оставив сумочку рядом с графином, а затем, не давая себе времени даже подумать, смело шагнула к Ксеону и взяла из его рук бокал.

Сделала большой глоток. Вино было пряным, дорогим и довольно крепким.

– А разве вы не выпьете со мной, ваше величество? – невинно захлопала ресницами.

Пришлось опереться о столбик балдахина, поскольку от напряжения начинала кружиться голова, а тело наливалось ватной слабостью.

– Почему нет. – Ксеон пожал плечами.

Потом раздраженно глянул на Бьянку, как будто она в чем-то была виновата, и пробормотал:

– Да, пожалуй, надо выпить...

Он остановился у столика, щедро плеснул в бокал и выпил большими глотками. Затем налил еще. Окинул ее внимательным взглядом и приказал:

– Пей. У меня нет времени, чтобы с тобой возиться полдня. Раз пришла, то пришла. Место королевской фаворитки пока что свободно.

Бьянка послушно сделала несколько глотков и выжидающе уставилась на короля. А он, отставив пустой бокал, решительно двинулся к ней, на ходу расстегивая рубашку.

– Тебе помочь раздеться, куколка?

Бьянка невольно попятилась.

Она совершенно не понимала, что происходит: Ксеон только что принял лошадиную дозу снотворного, и сна ни в одном глазу. Неужели... она ошиблась и взяла не тот флакон?! И что теперь? Как она обменяет эти треклятые артефакты? Даже после того, как она будет принадлежать этому человеку... вряд ли он будет спать так крепко, что ничего не почувствует. А если ничего не получится, то, выходит, будет потеряно все: и невинность, столь важная для семейства аристократов, и родители...

Бьянка задрожала всем телом, когда Ксеон запустил руку ей в прическу, развернул к себе лицом и впился в губы жестким, требовательным поцелуем, надавливая, вынуждая приоткрыть рот. У Бьянки ноги подкосились, теперь страх завладел ею окончательно. А еще – жуткое осознание того, что все случится не так, как она запланировала. То ли она и в самом деле взяла не тот флакон, то ли на Ксеона снотворное не действовало. Она так и застыла в руках короля, словно обездвиженная жертва в кольцах змеи, с отчаянием отмечая, как сильные руки мужчины шарят по телу, с треском разрывают ворот самого лучшего платья и больно стискивают грудь. И она хотела крикнуть: «Не надо!» – но лишь промывчала неразборчиво, потому что горячий язык Ксеона хозяйничал во рту, не вызывая никаких ощущений, кроме тошноты.

– Да ты холодная, как ледышка. – Он на миг отстранился и весело рассмеялся, но в глазах блестели тьма и злость. – Поверь, я знаю, как все исправить.

И толкнул на кровать, животом вниз.

Бьянка лишь зажмурилась, когда он легко потянул ее на себя, ставя на четвереньки. Зашелестела ткань, и атласный подол цвета слоновой кости оказался у Бьянки на голове.

Она было попыталась вывернуться из железной хватки Ксеона, но тот лишь засмеялся и резко дернул на себя, впиваясь пальцами в бедра. Больно, до слез, до вскрика.

– Это хорошо, что кричишь, – прозвучало негромко, – мне это нравится.

Еще рывок, раздался треск рвущейся ткани, кожу на бедрах обожгло резкой болью, и Бьянка поняла, что от ее тонких панталон остались лохмотья. Ксеон несколько минут молчал. Бьянка дернулась, моля Всеблагое, чтоб сейчас что-нибудь произошло. Война, наводнение, землетрясение... Потому что настолько невыносимо стыдно ей еще не было никогда.

– Так-так. Очень даже неплохо.

– Пожалуйста... – все же не удержалась она, захлебываясь в слезах.

– Дорогая, только не говори, что передумала, – растягивая слова, сказал Ксеон.

И Бьянка поняла, что вот именно здесь и сейчас все и произойдет. И будет совершенно бестолковым и бесполезным. Засыпать Ксеон и не думал, а это значило, что амулеты так и останутся при нем.

Она слабо дернулась в его руках в попытке вырваться.

– Перестань, – голос короля стал хриплым, – ты просто прелесть...

Бьянка всхлипнула, ощутив прикосновение к своему телу там, где еще никто не касался. Противно. Невыносимо противно. Ее затрясло от ужаса. Неужели вот сейчас... и все? Да как только женщины это терпят?

Ксеон навалился на нее всем весом, распластывая на кровати, и внезапно разжал руки. Бьянка забилась под тяжестью его тела.

– Ваше величество! Что вы...

Ксеон не ответил. А Бьянка, замерев в ужасе, вдруг услышала его совершенно спокойное дыхание.

* * *

...Она лежала на кровати, придавленная безвольным телом короля, и глупо хихикала. Хотелось кричать и смеяться одновременно, а потом... убить Ксеона, убить того мужлана, который заставил ее перенести все это... Да и вообще, убивать каждого, кто посмеет сделать ей, Бьянке Эверси, какую-нибудь гадость.

– Это невозможно, – всхлипнула она, – невозможно-о-о-о...

Невероятное, просто чудесное везение: снотворное все же подействовало. В самый последний момент, когда это еще имело смысл.

Кое-как выбравшись из-под королевского тела, Бьянка первым делом удостоверилась в том, что дверь в спальню заперта изнутри. Потом, шепотом ругаясь, перевернула мужчину на спину, оглядела. Ксеон, конечно, был красив, но... почему-то теперь вызывал отвращение. Бьянка механически вытерла тыльной стороной ладони припухшие губы и решила, что теперь скорее пойдет в монастырь, нежели замуж.

Она вскочила с кровати, взяла артефакты, которыми нужно было подменить те, на шее Ксеона. Руки тряслись, когда она развязывала кожаные шнурки и снимала тяжелые серебряные пластины, когда нанизывала те, что до этого лежали в коробке, и снова завязывала узлы. Король мирно посапывал, и, судя по выражению лица, снилось ему что-то приятное.

Бьянка, вздыхая, подобрала разорванные в клочья панталоны, сложила их в сумочку вместе с украденными артефактами. С паникой отметила, что лиф ее великолепного платья безнадёжно разорван, а ведь ей идти через весь дворец в таком виде... что о ней скажут? Поправила как могла. Но все равно видно.

Она еще раз огляделась, затем на всякий случай взяла графин и вылила остатки вина в большой горшок с декоративной розой. Осторожно выглянула в дверь – никого, лишь охрана.

– Эм... его величество заснули, просили не беспокоить, – смущенно сказала она солдату. Наверняка могла вообще ничего не говорить, она не обязана отчитываться...

И быстро-быстро, задышавшись, пошла прочь.

Она чувствовала себя невероятно грязной. Мойся – не мойся, а такое быстро не смыть. «Дурочка, чего нюни распустила? Он же не успел с тобой ничего сделать».

И все равно – так мерзко на душе, как будто только что ее отдали на потеху мужланам из ближайшего питейного заведения.

Бьянка задумалась и потому не сразу поняла, что идет уже сквозь толпу придворных, что они смотрят на нее с улыбками и шепчутся за спиной. Она лишь ускорила шаг. Ну конечно. Ее испорченное платье не осталось незамеченным. Репутация испорчена окончательно, и с этим ничего не поделаешь.

Уже выходя из дворца, она рассеянно подумала о том, что никто не подаст ей карету к крыльцу, – но карета стояла, ожидая, и лакей распахивал дверцу.

Бьянка забралась внутрь; шторы были плотно задернуты. А когда глаза привыкли к густому мраку, едва не завопила в голос. На диване напротив преспокойно сидел тот самый бородатый мужлан.

– Вы! – прошипела она. – Какого Темного вы здесь делаете? В моей карете?

– Жду артефакты. – Его глаза блеснули любопытством. – Вас видели во дворце сегодня, и я подумал, что наверняка вы решили действовать.

– Забирайте, – Бьянка швырнула ему на колени сумочку, – надеюсь, мои родители к вечеру будут дома?

– Считайте, они уже дома.

Он потянул шелковые шнурки с кисточками на концах, и Бьянка запоздало поняла, что помимо артефактов вручила ему еще и разорванные панталоны. И – надо ж тебе – этот гад первыми вытащил именно их. Посмотрел с прищуром на Бьянку, но отчего-то ничего не сказал. Затем достал артефакты, долго рассматривал их, потом поводил над ними какой-то светящейся штуковиной.

– Все правильно, – пробормотал тихо и уставился на Бьянку тяжелым взглядом, от которого мурашки пошли по коже.

– Ну... Так и чего вы ждете, уважаемый? Я не намерена вас терпеть в своей карете ни минутой дольше. Извольте выйти.

– Вы... в порядке? – вдруг спросил он.

Бьянка не поверила собственным ушам. И в который раз ей захотелось отделать наглеца так, чтобы себя в зеркале не узнал. Она прошипела зло:

– С чего бы такая забота? Раньше вас это не волновало. Да и вообще, у меня только один вопрос: если вы весь такой вездесущий и могущественный и никакие двери вам не помеха, что мешало вам самому подменить артефакты?

– Вам это было сделать проще всего. И узурпатор ничего не заподозрит ровно до тех пор, пока не попробует артефактами воспользоваться. Это на руку нам.

– Ах, проще всего... – от возмущения Бьянка даже не сразу нашлась что ответить. А потом сорвалась на визг: – Убирайтесь вон, слышите! И я... никогда, никогда не желаю вас больше видеть! Да будьте вы прокляты! Весь дворец видел меня... вот так... в порванном платье! Моя судьба погублена, мне теперь только в монастырь!..

– Не кричите, будто вас режут, – в его голосе сквозила усталость, – уже уйду.

И он действительно открыл дверцу и ловко спрыгнул на дворцовый подъезд. А Бьянка, откинувшись на подушки, разрыдалась. Потом стукнула в стенку и крикнула:

– Пошел! Пошел, я сказала!

«Главное, чтобы маменька и папенька оценили то, что я только что для них сделала».

Глава 2

Репутация девушки благородных кровей

Репутация девушки благородных кровей напоминает нагромождение ярких, сверкающих кристаллов. Выдернешь один из основания – и все развалится, блестящие камни раскатятся в стороны, а обратно, как было, уже не собрать.

Ну а если все видели тебя выходящей из королевских покоев в платье с разодранным лифом, тут уже речь не о маленьком камне, а, скорее, о здоровенной плите, сродни тем, что укладывают поверх могил. Понятное дело, что думать о восстановлении репутации после такого просто смешно. И только абсолютный идиот может согласиться взять в жены девушку, у которой, несмотря на титул, за душой ни гроша денег, а кумушки шипят вслед: «Мелкая шлюшка».

– Ты понимаешь, что натворила? – громким свистящим шепотом спросила графиня Амалия Эверси, наклоняясь ниже и как будто боясь, что кто-то их услышит.

Бьянка прятала лицо в пышном подоле платья великолепной графини и наслаждалась той скупой лаской, с которой матушка перебирала ее волосы.

По-хорошему, можно было и поплакать, но отчего-то слез не осталось. Особенно после того, как отец отвесил хлесткую пощечину.

«Ты понимаешь, что натворила? Да лучше б... Что теперь с тобой делать? Об этом ты думала, когда оголялась перед узурпатором? Кому ты теперь нужна? Кому мы теперь нужны? Вот уж не ожидал, что моя младшая дочь окажется шлюхой!»

– Мама, – прошептала Бьянка, хватая узкую руку графини, – неужели ты не понимаешь? Он... пришел к нам в дом, это чудище. Я не знаю, как он пробрался сюда, минуя охрану, минуя прислугу... И он сказал, что если я не сделаю кое-что, то вас больше не увижу. И ты ведь не отрицаешь, что все эти дни вас держали взаперти, в подвале, с завязанными глазами.

– И это кое-что – переспать с человеком, захватившим трон королевства?

Голос графини казался безжизненным шелестом сухой листвы.

Но... вот ведь странно. Некоторое время назад маменька едва ли не намекала на то, что Бьянке следует больше внимания уделять его величеству.

Теперь, когда его все-таки убили и выяснилось, что старый король вовсе не был его отцом, он стал называться узурпатором. А раньше был королем.

– Я должна была подменить кое-какие артефакты. А уж как это сделать... Но, мама, я клянусь, ничего не было. Он... не успел. Я подлила ему твоих сонных капель, и король уснул прямо со спущенными штанами...

– Не говори так, Бьянка. Фу. Во-первых, не король, а узурпатор, ныне покойный. Во-вторых, благовоспитанная девица благородных кровей никогда не скажет про спущенные штаны и про то, что мужчина заснул прямо на ней.

– Но ты-то моя мама, тебе я могу рассказать...

– А потом ты шла по дворцу в разодранном платье, и все это видели. Об этом ты, конечно, не думала.

– Мама! – Бьянка невольно отстранилась, вырываясь из ласкового плена мягких рук. – Я ж вас с папой спасала! А вы как будто не рады! Да если бы... если бы я не выкрала те артефакты, вас бы убили... эти жуткие люди. А этот... мужлан, он ведь следил за мной, ему было интересно, что и когда я буду делать.

– Может, он еще и видел, как узурпатор тебе подол задирает?

Бьянка растерянно всмотрелась в лицо матери. Красивое, породистое, с которого почти никогда не сходило выражение этакого утонченного спокойствия. Взгляд Амалии Эверси...

причинял боль, заставляя давиться рыданиями. За что они с ней так? Почему? Да что ж теперь, в петлю? Только оттого, что зашла слишком далеко ради их же спасения?

И она внезапно подумала о том, что тот страшный мужчина, который заставил ее пройти все это, любовался ее панталонами, которые она сложила в сумочку вместе с украденными артефактами.

– Я не дала вам умереть, – всхлипнула Бьянка, – как вы можете так... со мной?

– Деточка, – сказала мама тихо, одними губами, – ты не понимаешь. Ты спасла наши жизни, но напрочь убила нашу репутацию. Никто и нигде не примет нас больше. Никто не захочет водиться с семьей, где дочь себя так опозорила. Таковы порядки, и с этим ничего не поделаешь. Будет счастьем, если хоть кто-нибудь согласится взять тебя в жены. И будет еще лучше, если ты уедешь из королевства. Репутация для благородной девицы – это все. Да и вообще... подумала бы о своей сестре. Боюсь, ей тоже теперь придется несладко. Все будут шептаться о том, что произошло, все будут на нее тыкать пальцами.

Бьянка не верила собственным ушам. И все это говорит мама, любимая мама, ради спасения которой пришлось влезть в постель к королю, тьфу, узурпатору. В груди пекло, горло стиснул спазм. Даже дышать было тяжело – невидимые когти терзали Бьянку изнутри, полоу-суя, разрывая на части. Бьянке казалось, что она сейчас умрет от этой боли, она умоляюще смотрела на маму, на застывшее ее красивое лицо, на беспощадно сомкнутые губы.

«Ну скажи, скажи что-нибудь, – пронеслось в голове, – скажи, что ты пошутила, что ничего не изменилось. Скажи, что любишь меня любую и всегда будешь рядом и я всегда смогу прикоснуться к твоим волшебным рукам, а ты никогда не позволишь мне утонуть в отчаянии...»

Но Амалия Эверси тяжело вздохнула, еще раз окинула Бьянку грустным задумчивым взглядом, а затем поднялась с кушетки, где они сидели.

– Я пойду, – сказала она глухо, – теперь нам с отцом надо думать, что делать и как дальше жить. Как теперь исправить все то, что ты натворила.

Слова застряли в горле, и Бьянка лишь кивнула, провожая взглядом матушку. Вот если бы... на ее месте был мальчик... Наверное, так было бы лучше.

Дверь открылась и закрылась, и девушка осталась одна в темной комнате. Грудь распи-рало, глубоко внутри стремительно разрастался ком из ледяной злости, совершенно черного, непроглядного отчаяния и непонимания происходящего.

– Я же вас спасала, – пробормотала она, – я что, должна была дать вас убить?

* * *

Дни слились в бесконечную серую череду. Бьянка сама себе казалась дорогой куклой – с красивым фарфоровым личиком, изящными кистями рук и лодыжками, а тело мягкое, тряпичное, набито соломой и совершенно безвольное. Она с трудом понимала, зачем каждое утро ее будит Тутта и при этом смотрит со странной смесью сочувствия и брезгливости, как будто даже ей есть дело до репутации Бьянки Эверси. Не понимала, зачем умывается, одевается и причесывается – все равно ведь папенька не выпускает из дому. Наконец, не понимала, зачем жует листья салата, заправленные соусом из квашеного молока, – если ее теперь никто не возьмет замуж, то можно бы пропустить и пончик-другой, да еще и в чашку кофе добавить сливок и сахара.

Внутри что-то сломалось, треснуло и разлетелось мелкими осколками, и как раз таки эта жалящая боль Бьянке была понятна: впервые в жизни папенька и маменька повернулись к ней новой, совершенно до этого незнакомой стороной. Неожиданно те, кого она любила всю сознательную жизнь, оказались как будто чужими, глухими и слепыми. И хоть кричи, хоть плачь, хоть все волосы себе выдергай – они твердят как заведенные: что ж теперь будет, да

кто ж с нами будет иметь дело, с такой-то дочерью. И вот это-то и приносило самую едкую, противную подсердечную боль. С каждым прожитым днем Бьянка ощущала, как отдаляется от матери и отца, или наоборот – как они все дальше и дальше отталкивают ее, и во взглядах снова брезгливая жалость.

«Мама, он же ничего со мной не сделал. Я по-прежнему невинна».

«Даже если и так, то все видели тебя... в таком виде, что, прости Всеблагий, хоть под землю от стыда провалиться. Никто не поверит в то, что у тебя ничего не было с узурпатором Ксеоном».

Каждое утро отец, садясь завтракать, спрашивал у дворецкого, нет ли корреспонденции. И каждое утро получал один и тот же ответ: никто больше не писал семейству Эверси, никто не звал на ужины и балы. Вся семья и вправду оказалась отрезанной от столичной жизни. Роланд Эверси окидывал Бьянку хмурым взглядом, а потом принимался за еду, всем своим видом говоря: вот видишь, что ты наделала? И у Бьянки в горле застревал очередной лист салата, она отодвигала тарелку, уходила к себе, чтобы всласть нарыдаться в подушку. А потом она засыпала, но сон не приносил облегчения: приходили кошмары.

В этих кошмарах раз за разом из темноты выливался ненавистный широкоплечий силуэт, тенью склонялся к Бьянке и, обдавая запахом крепкого табака, лука и винного перегара, шептал: «Укради у короля амулеты. Не сделаешь – пришлю маменьку по частям. И папеньку. А сделаешь – получишь их живыми». И Бьянка, захлебываясь слезами и ненавистью, снова одевалась – как тогда – и шла во дворец разыскивать его величество. Чтобы прикинуться влюбленной дурочкой, соблазнить и снять с его шеи столь нужные артефакты.

Только вот во сне было все иначе. И Ксеон отнюдь не засыпал, навалившись на нее тяжелым телом. Резкая, ноющая боль охватывала низ живота, и Бьянка орала, выгибалась дугой... И ничего не могла сделать. Ни-че-го. Она была совершенно беспомощна.

На этом, как правило, кошмар заканчивался, и Бьянка вскидывалась на кровати с бешено колотящимся сердцем, в ледяном поту.

Бьянка так и не поняла, отчего снится такое. Она ведь не знала, каково это – быть с мужчиной. А призрак боли преследовал, не отпуская. Бьянка даже подумала, не пожаловаться ли матери, но вовремя прикусила язычок. Затрагивать подобную тему было явно не лучшим решением, матушка и без того смотрела на Бьянку как на какое-то ходячее недоразумение.

А однажды ей приснилось другое. Вернее, все начиналось как обычно, снова Ксеон задирает ей юбки на голову, но потом... он перевернул Бьянку на спину, и она поняла, что на этот раз с ней отнюдь не узурпатор. У Ксеона были темно-русые волосы, а этот, новый, оказался пшеничным блондином без лица. Там, где у нормальных людей находятся щеки, глаза, нос, оказалось мутное пятно, как будто кто-то размазал акварель. Бьянка хотела кричать, но вопль застрял в горле, как это часто бывает в кошмарах, и только противная режущая боль вышибала слезы из глаз. Неизвестный мужчина хохотал как сумасшедший, а у Бьянки по всему телу словно цыганской иглой протыкали кожу.

А потом железные пальцы сомкнулись на горле, и Бьянка поняла: все. Теперь точно все. Он ее придушит, как цыпленка, и она попросту умрет во сне.

И проснулась.

– Что кричите, леди? – грубовато поинтересовалась Тутта. – Его величества с вами нет.

– Пошла... вон... – с трудом прохрипела Бьянка.

К боли в душе добавилась еще и боль в шее. И девушке стало действительно страшно – до ледяных рук, до тошноты, до озноба, от которого зубы стучали. Она спустилась к обеду, твердо намереваясь поговорить с матушкой и попросить позвать мага-лекаря, но...

Отец с видом победителя помахал в воздухе маленьким розовым листком.

– Амалия! Ама-а-а-алия! Наконец-то! Наконец стали забывать о... – Он умолк, встретившись взглядом с Бьянкой.

– Что, Роланд? – матушка спешила навстречу по коридору, ухоженная и красивая, в светлом домашнем платье и ажурной шали.

Даже в столь тяжелые времена, когда семейство Эверси оказалось отвергнутым всеми, графиня умудрялась выглядеть томно и одновременно величаво. Бьянка же видела в зеркале взъерошенного белобрысого воробья.

– Нас пригласили на бал, на день рождения Вериты Ларно!

– Ларно? А ну-ка, дорогой, дай сюда приглашение, – оживилась матушка.

Розовый листок переключал в холеные ручки графини, она пробежалась взглядом по строчкам, затем почему-то окинула Бьянку пристальным, оценивающим взглядом.

– Нас пригласили в полном составе, – радостно сообщила матушка. – Дитя мое, нужно, чтобы к завтрашнему вечеру ты привела себя в надлежащий вид. Думаю, что там будут Шико. Возможно, это шанс...

И тут Бьянка не удержалась и фыркнула.

– Верита Ларно – старая дева, страшная и глупая. У нее изо рта воняет и зубы порченые. А Левран Шико – косоглазый, и, когда разговаривает, у него слюни брызжут так, что утонуть можно. Сомнительная радость...

Она не договорила, потому что затылок ожгла резкая боль. Бьянка с удивлением уставилась на отца, который только что отвесил ей подзатыльник.

– Помолчи, – он хмурился, – не в твоём положении перебирать. Так что мы поедем на бал, поздравим Вериту Ларно, и ты станешь ее лучшей подругой. И – да. Я не буду возражать, если ты покажешь Леврану Шико то же, что показывала королю... тьфу, узурпатору Ксеону. Ты поняла? Замуж тебя надо выдать.

– Поняла. – Бьянка заморгала быстро-быстро, чтобы не расплакаться. Кровь ударила в голову, и щеки зашипало. Наверное, сейчас она стала похожа на свеклу.

Если с Веритой Ларно еще можно было перемыть кости общим знакомым, то Левран Шико, старший сын виконта Шико, вызывал физическое отвращение. Нет, у младшего сына Шико как раз все было в порядке, и с ним Бьянка была бы не прочь водить дружбу. Но вот старший не удался. У него была отвратительная привычка никогда не смотреть в глаза собеседнику и постоянно склонять голову к левому плечу. А еще Левран периодически ковырялся в носу и потом съедал добытую оттуда козявку. И что, Всеблагий, целоваться с ним после этого?

– Может быть, вы меня отправите в монастырь? – жалобно спросила она.

Папенька начал краснеть, и маменька бросилась за стаканом воды.

– Бьянка! Как тебе не совестно? Мы столько для тебя сделали. Мы растили тебя для того, чтобы ты продолжила род Эверси, а не для того, чтобы высохла в молитвах и постах.

– Я не хочу иметь ничего общего с Шико, – решительно объявила Бьянка.

– Претемный, – прохрипел папенька, – какая эгоистичная девица выросла, а, Амалия? Сперва опозорила нас на все королевство, теперь упирается... Знаешь, дочь, ты поедешь на бал и приложишь все усилия, чтобы Левран обратил на тебя внимание. Потому что... в противном случае мы с матушкой окончательно убедимся в том, что ты своенравная, избалованная, неблагодарная и крайне эгоистичная особа, которая совершенно не думает о родителях!

И тут Бьянку накрыло волной совершенно неконтролируемой ярости.

Это она-то не думает о родителях? Да как же так? Неужели они... в самом деле именно такие, какими она их видит именно сейчас? Неужели так и не поняли, что она сделала только ради них?

– Я никуда не еду, – тихо сказала она.

Амалия Эверси закатила глаза и побледнела, граф бросился ее поддержать.

– Нет, ты посмотри, что творишь с матерью! – крикнул зло. – Амалия, душа моя... Давай я тебе помогу дойти до кушетки.

Но графиня потянулась к Бьянке, дотронулась до ее щеки – очень нежно, как никогда раньше – и прошептала:

– Милая... пожалуйста. Мы очень, очень просим тебя. Я прошу...

* * *

Особняк Ларно давно начал ветшать, на его боках строгого серого цвета краснели кирпичом пятна отвалившейся штукатурки. Если ехать из центральной части города, спускаясь при этом с горы в сторону моря, можно было увидеть, что над правым крылом провалилась крыша, и никто ее не чинит, потому что у семейства Ларно попросту нет на это средств.

Впрочем, некоторые стеснения в средствах испытывала и семья Эверси. Разница была лишь в том, что род Ларно обеднел на пару поколений раньше, а особняк Эверси был отремонтирован дедом Бьянки.

Одно было хорошо у Ларно: дом окружал старый яблоневый сад, пронизанный узкими, ползаросшими тропинками, украшенный старинными беседками. Весна была в самом разгаре, деревья стояли в цвету, прекрасные, словно невесты перед алтарем Всеблагоего, и Бьянка, так долго просидевшая взаперти, не могла надышаться вкусным свежим воздухом.

Выглядывая из окна кареты, она с интересом наблюдала за жизнью, кипящей на улицах столицы. С некоторым сожалением отметила, что у ее платья безнадежно устарел фасон рукава и что богато одетые горожанки предпочитают вырез в виде буквы «V», а вовсе не квадратный, выставляющий напоказ грудь. В моду снова входили пышные веера и сапожки на высоком каблуке, а она была обута в старые атласные туфельки с изрядно стоптанными подметками.

«Для Ларно сойдет», – ухмыляясь, решила Бьянка.

Может быть, эти же подметки отпугнут от нее Шико-старшего, и тогда можно будет с чистой совестью отчитаться папеньке, мол, я старалась, а он и внимания не обратил.

Бьянка ехала на бал с безмятежной улыбкой на губах, но мысленно готовилась к битве, по масштабам сравнимой с Великим Эшвотским сражением, когда враждебные ависийцы были раз и навсегда изгнаны с островов Рехши.

Будут ли ее обсуждать? Конечно.

Попытаются ли вывалить в грязи и облить помоями? Вне всяких сомнений.

Бьянка, как никто другой, понимала, что женская компания безжалостна к слабым и еще более безжалостна к павшим сильным, и что легко на дне рождения Вериты Ларно ей не будет ни мгновения. Но с каждым новым глотком свежего, напитанного солнечным теплом воздуха в ней поднимала голову прежняя Бьянка Эверси, которая вполне могла, образно выражаясь, откусить положенный в рот палец и у которой хватило дурости натравить ручного механоида на жену верховного инквизитора. Потом, правда, ревела в подвалах инквизиции, а эта сволочь Аламар Нирс допрашивал ее так, словно она была незарегистрированным магом-менталистом и исподтишка командовала королевскими механоидами. Мало того, что женился на другой, так еще и издевался. И уже совсем невозможно было объяснить, что ей всего-то хотелось замуж, а потом стало очень обидно оттого, что предпочли не ее. Родители вон предпочли бы сына. А инквизитор Нирс предпочел Бьянке другую девушку. Сплошное невезение.

Наконец карета остановилась у ажурных ворот, изрядно побитых ржавчиной. Им бросился открывать дворецкий, что весьма прозрачно намекало на бедственное положение владельцев дома. Потом лошади процокали подковами по дорожке, вымощенной разноцветным булыжником, и остановились напротив высокого крыльца, отделанного мрамором с аристократичными черными прожилками, местами обвалившегося.

Папенька строго посмотрел на Бьянку.

Бьянка скромно потупилась, всем своим видом как бы говоря: я буду послушной, я буду делать так, как вы велите, и, если Шико-старший полезет мне под юбку, я буду жеманно хихикать, подкатывать глаза и изображать радость.

На самом же деле Бьянка поклялась себе, что ежели Левран изволит вести себя подобным образом, то, скорее всего, будет вынужден ретироваться с хорошим фингалом.

– Ну, пойдем, – мягко сказала графиня, невесомо погладила Бьянку по открытым плечам, расправила щелчком кружево. – Деточка, постарайся сделать так, чтобы нам не пришлось за тебя краснеть.

– Да, матушка, – улыбнулась Бьянка, – я буду вести себя как лучшая подруга Вериты и как самая смирная невеста королевства.

– Так бы и сразу, – буркнул отец и, кряхтя, принялся выбираться из кареты. Ему мешал объемный живот, но дворецкий оказался смышленным, так что подал графу руку и буквально выволок наружу. Амалия Эверси выбралась самостоятельно, лишь мимоходом оперлась о жесткие пальцы слуги. Бьянка и вовсе сделала вид, что не заметила протянутой руки. Из-за кошмаров, что тревожили ее, касаться мужчин было неприятно.

Перед ними распахнули высокие стеклянные двери, и Бьянка помимо собственной воли ощутила прилив сил и совершенно детского восторга.

Как давно она не была на балу!

Чтобы блестел натертый паркет, чтобы суежилась прислуга, расставляя по столам закуски, чтобы прохаживались важно гости, а хозяева дома...

– Бьянка! – раздался рядом писк Вериты, – о, Бьянка, я так счастлива, что ты смогла приехать!

Еще через мгновение Бьянка оказалась заключена в мягкие, горячие и потные объятия Ларно-младшей.

– О, – сказала она и мягко отстранилась, – дорогая, как я тебя давно не видела!

Быстро оглядев Вериту, добавила:

– Ты похорошела. Всеблагий, как же ты хороша! Не то что я нынче...

И вздохнула.

Разумеется, Верита не похорошела ни капли. Она была невысокого роста, но при этом очень странного телосложения, напоминала квадрат с руками и ногами. Квадрат утягивали корсетом, украшали приторно-розовыми рюшами и розочками, но миловидности это квадрату не добавляло. К тому же у Вериты было такое же квадратное лицо с тяжелой челюстью и не очень чистая кожа. Бьянка на таких девиц смотрела с непониманием и прохладным презрением. Даже если ты не удалась фигурой, всегда можно пошить такое платье, которое скроет недостатки и подчеркнет достоинства (в случае Вериты – весьма аппетитную пышную грудь). Ну а лицо – магов-лекарей никто не отменял. А еще артефакты. И просто очищающие средства.

Но всем этим нужно было заниматься, а Верита заниматься не хотела. И было бы это простительно, если бы сия особа увлекалась чем-нибудь интересным и полезным, например, чтением или вышивкой... Но нет. Верита просто была ленива и оттого оставалась совершенно некрасивой.

– Идем, – Верита потянула ее за руку, – идем в сад, там уже все наши собрались.

– Ох! – Бьянка тут же демонстративно захромала.

Леди Ларно тянула ее как раз в змеиный клубок, а Бьянке так хотелось еще немного порадоваться празднику!

– Послушай, – сказала она, – ты иди, я тебя догоню. Хочу стащить что-нибудь вкусненькое, пока маменька не видит. Ну, ты же знаешь, она следит за тем, что я ем.

Верита смирила Бьянку снисходительным взглядом.

– Вот бедняга-то! Конечно, иди, чуть позже выйдешь к нам. Уже, правда, темнеет... но в саду магкристаллы, не заблудишься. Иди-иди, перекуси, а то ты так исхудала за всеми этими переживаниями, что на тебя смотреть жалко. Вон грудь почти исчезла.

«Зато у тебя пузо сальное», – возразила про себя Бьянка.

Игра началась. И то, что только что сказала Верита, следовало понимать так: мы тут знаем про твою интрижку с мужчиной и все косточки перемыли. Да и вообще ты теперь ничемное ничтожество, никто не будет тебе в рот заглядывать, как раньше.

Глядя в спину удаляющейся Ларно, Бьянка ощутила азарт. О, в подобных ситуациях она чувствовала себя как рыба в воде.

«Посмотрим, кто посмеется последним», – подумала она и направилась к закускам.

Окинула взглядом присутствующих – маменька и папенька увлеченно беседовали с хозяевами дома, папенька прикладывался к пузатому бокалу с чем-то крепким, маменька кокетливо обмахивалась веером.

«Ага!» – решила Бьянка и прокралась к столу.

Она взяла чистую тарелку, положила несколько ломтиков ветчины и тарталетку с ананасовым салатом. Был соблазн выпить бокальчик игристого, но Бьянка пресекла это желание на корню. Она, Темный побери, готовится к сражению. А в битве нужно иметь свежую голову.

Поэтому девушка удалилась в уголок и принялась за еду, время от времени поглядывая по сторонам. Пока все шло отлично: мягко мерцали магкристаллы в держателях у стен, мужчины выпивали и обсуждали важные политические новости, женщины, умудренные жизнью, кудхтали о чем-то своем. Никто не обращал внимания на девицу с испорченной репутацией.

Бьянка с воодушевлением опустошила тарелку и снова подтянулась к столу, на сей раз туда, где на серебряных подставках красовались пирожные – лимонные, малиновые, фисташковые. Сладкое было ее слабостью. Но почти все время Бьянке приходилось быть рабыней листьев салата, и потому день с пирожными уже сам по себе становился праздником.

Девушка потянулась к корзинке со сливочным кремом и едва не выронила ее, когда прямо над головой раздалось басовитое:

– Добрый вечер, леди Эверси.

«Это что, Шико?» – поразились она.

И тут же выдохнула с облегчением. Нет, не Шико. У Леврана скрипучий голос, от которого мурашки бегут по коже. А это... это голос взрослого мужчины.

– Вечер добрый, – мягко ответила она, одновременно оборачиваясь. – Чем обяза...

И окончание слова застряло в горле.

Чувствуя, как немеют ноги, Бьянка уставилась снизу вверх на мужчину. А он ловко подхватил тарелку, выпавшую из ее рук, – да так ловко, что ни одно пирожное не пострадало.

– Вы! – наконец выдавила Бьянка и невольно попятилась.

На нее с усмешкой смотрел тот самый... мужлан, та сволочь, которая похитила родителей и заставила ее добывать у короля артефакты таким грязным способом.

Конечно же, он изменился, почти до неузнаваемости. Темная щегольская борода, волосы причесаны и собраны в низкий хвост. Одежда... М-да, одежда богатая. Сюртук из дорогой тонкой шерсти, атласная жилетка, которая чуть ли не по швам трещит на мощной груди. И булавка с большим рубином в шейном платке.

– Что вы здесь делаете? Вы меня преследуете? – зашипела Бьянка, озираясь по сторонам. – Так вот, я вам больше ничего не должна, понятно? И без того...

И умолкла.

Ну не говорить же этому ничтожеству про кошмары. И про то, что ночь за ночью она переживает одно и то же, даже больше, чем было с королем. В самом деле, слишком много чести.

– Я вас не преследую, – он пожал широченными плечами, – меня пригласили. Просто пригласили. Я богатый человек, меня приглашают. И вовсе не ожидал увидеть здесь вас, леди Эверси.

– О, конечно! – Она всплеснула руками. – После того, как вы... вы заставили меня... я все это время провела взаперти, и от нашей семьи все отвернулись. А мои родители, наверное, считают, что лучше б я утопилась, чем терпеть такой позор! Это вы виноваты! Вы!..

Слова внезапно закончились, и все, чего хотелось, – подпрыгнуть повыше и как следует расцарапать это спокойное, породистое лицо. А еще лучше укусить, до кровавых отпечатков, чтоб прочувствовал...

Бьянка сцепила руки замком, еще раз окинула мужлана мрачным взглядом.

– Что вам от меня нужно?

– Ничего, – он пожал плечами, – был рад встретить вас живой и невредимой.

Поставив тарелку с пирожными на край стола, мужчина развернулся и ушел. Бьянка судорожно выдохнула. Нет, ну надо ж такому случиться? С одной стороны – змеи бывшие подруги. С другой теперь... этот, даже не знаешь, как назвать.

– Милая, – Бьянка едва не подскочила, когда мягкая ладонь матушки легла на локоть, – не налегай на пирожные. И без того тебе будет тяжело выйти замуж. Кстати, я видела, ты разговаривала с лордом Сандором. Чего он хотел?

– А кто это, лорд Сандор? – промямлила Бьянка, понимая, что упустила что-то важное во всей этой истории. – Он не представился, мама.

– О, про него много интересного говорят, – ответила леди Эверси, – но одно точно известно. Он незнатного рода, а все преференции получил от короля Маттиаса и от нынешнего короля Шедара за какие-то очень важные заслуги.

«То-то и видно, что мужлан», – мстительно подумала Бьянка.

– Доченька, хватит жрать пирожные, – вновь прошептала графиня, – пойдی прогуляйся. Нехорошо оставлять Вериту одну.

– Мама, она не одна, – механически ответила Бьянка, с тоской глядя на пирамиды пирожных.

– Все равно иди-ка ты от стола, не то в платье не влезешь. А платья нынче недешевы.

* * *

Расставаться с пирожными не хотелось. Но, поймав строгий взгляд матушки, Бьянка молча кивнула и побрела к дверям, распахнутым на веранду. Здравствуй, гадюки и пауки в банке!

Она вдохнула полной грудью и огляделась. К вечеру начал собираться туман. Магкристаллы, расставленные вместо фонарей вдоль основных дорожек, расплывались в молочной мути, и их слабый свет мешался с ломаными тенями старых деревьев. Справа, из-за шпалеры с малиной, долетали обрывки разговора.

– Нет, ну вы представляете? Девочки, видели б вы ее глаза бесстыжие! Да если бы меня застукали с любовником, то, верно, я бы утопилась со стыда. А ей хоть бы что.

– Верита, – прошептала Бьянка и покачала головой. Хотелось придумать для этого розового квадрата месть, но почему-то не получалось.

Все было... ожидаемо. Обычная такая женская компания.

– Так что, она правда, что ли?... – скрипучий голос полоснул по нервам.

– Даже если и так, нам что с того? – а вот это уже Шико-младший.

– Ну, как что? Ежели узурпатор под юбкой у нее бывал, то и нам не будет лишним.

– Фу, Левран. Такие вещи не обсуждаются при порядочных девушках. – И этот голос Бьянка узнала. Он принадлежал старшей дочери генерала Эрмантака, Лиззи.

То, что эта особа тоже оказалась среди приглашенных, стало неприятным сюрпризом. Не то чтобы Бьянка ее боялась – среди ровесниц Бьянка не боялась вообще никого, – но Лиззи была зубаста и остра на язык, а еще она была красивой блондинкой, такой же светлой, как и сама Бьянка. И это бесило.

– Ну, ладно, детишки, – мрачно буркнула Бьянка и смело пошла на голоса, огибая шпалеру.

Как и следовало ожидать, молодежь с удобством расположилась там, куда не заглядывали взрослые. В мягких подкрадывающихся сумерках Бьянка рассмотрела накрытый стол и стульчики с ажурными спинками, удовлетворенно хмыкнула, сообразив, что не ошиблась с определением голосов. За столом и правда сидела Лиззи Эрмантак в невозможно романтичном белом платье с шифоновыми рукавами, рядом пристроилась Верита – розовый квадрат. Джентльмены расположились напротив, Левран и Дитор Шико. Дитор попивал из бокала игристое, а Левран, по своему обыкновению, грыз ногти.

– Привет, – громко сказала Бьянка, выходя из укрытия.

Все взгляды тут же устремились на нее, но Бьянка была к этому готова и потому без тени смущения заняла свободное место за столом, как раз между Веритой и Лиззи. Однако она заметила, что если девушки смотрели на нее с плохо скрываемым презрением, то джентльмены – скорее с любопытством.

– Дивный вечер, не так ли, – проворковала Бьянка, оглядывая стол.

Маменьки здесь не было, а вот пирожные были, притом в достатке.

Она подцепила треугольничек лимонного бисквита со сметанным кремом и шоколадной глазурью, затем уделила внимание корзинке со взбитыми сливками.

– Дорогая, я тебе завидую, – наконец подала голос Лиззи. Даже странно, что так долго молчала. – Ты теперь можешь есть что тебе угодно. О женихах ведь можно забыть из-за этой дурацкой истории?

Бьянка улыбнулась уголком рта и незаметно подмигнула Дитору Шико. Тот мгновенно подобрался, как хищник, почуявший дичь, а Бьянке... Бьянке отчего-то стало неприятно.

– Да, я могу есть пирожные, – усмехнулась она и посмотрела в ледяные глаза Лиззи, – но не потому, что не надеюсь выйти замуж, а потому, что не склонна к полноте.

Удар достиг цели. Красивая мордашка Лиззи на мгновение перекосилась, а Бьянка с наслаждением зачерпнула ложечкой взбитые сливки. Всем ведь было известно, что Лиззи постоянно недоедает потому, что очень легко и быстро толстеет.

Тут вмешалась Верита.

– Дорогая, конечно же, кушай на здоровье. Честное слово, мы все за тебя переживали. Какая ужасная история!

– Да что ужасного-то, – легкомысленно отозвалась Бьянка, чем заслужила еще более заинтересованный взгляд младшего Шико. Старший, Левран, не смотрел на нее, по-прежнему методично обкусывал заусенец на мизинце и тарасился куда-то в сторону, в стелящийся по траве туман.

– Ну как же! – воскликнула Лиззи. – Все говорят, что ты... что узурпатор...

– Говорят, да. – Бьянка хитро улыбнулась, наслаждаясь вкусом малинового джема и взбитых сливок. Вку-у-усно! Вот бы каждый день так.

– Как тебя вообще угораздило влипнуть в такую историю, – буркнула Верита.

– Видимо, узурпатор Ксеон не остался равнодушен к моей красоте.

– И погубил твое будущее! – пискнула Лиззи.

Бьянка только плечами пожала. Нет, ее корабль так просто не потопить!

– Послушайте, – сказала она, – какое будущее? У кого здесь будущее? Может, у меня и была интрижка, но хотя бы интрижка с узурпатором. Немногие вообще-то могут этим похвастаться. В основном хвастают интрижками с мелкими торговцами.

И в упор посмотрела на Вериту. Та стушевалась. Пару лет назад ее подловили на свидании с сыном мясника, скандал, конечно, замяли – но отчего бы не напомнить присутствующей публике, что все здесь не без греха?

– Расскажи, как это было, – потребовала Лиззи.

– Такие вещи не рассказывают при джентльменах, – парировала Бьянка.

И вдруг почувствовала на себе липкий взгляд, от которого дрогнули руки, а на переносице внезапно выступили мелкие бисеринки пота. Оторвавшись от созерцания взбитых сливок на тарелке, Бьянка вдруг поняла, что Левран перестал грызть пальцы и теперь смотрит на нее в упор, совершенно невоспитанно, так, что чувствуешь себя вывалянной в грязи. Он как будто раздевал ее взглядом, сдирал платье. Бьянку передернуло, и она подумала, что было бы недурственно вернуться к маменьке и папеньке, а там и вообще отправиться восвояси.

– Это... было больно? – вдруг спросил Дитор и внезапно облизнулся.

Бьянка поняла, что краснеет и что в самом деле пора удалиться.

Но спастись бегством не позволяла гордость. Выпрямившись на стуле, Бьянка с превосходством оглядела присутствующих.

– Узурпатор был красивым мужчиной, – сказала она назидательно, – а красивый мужчина не может причинить боль. Только удовольствие.

Лиззи охнула, на ее фарфоровом личике проступила растерянность, а щеки предательски зарделись. Ну, как же... Говорить О ТАКОМ за общим столом. Верно, Бьянка всякий стыд растеряла, шлюха – она и есть шлюха.

Верита так и осталась сидеть с приоткрытым ртом. Дитор откинулся на спинку стула, сверля Бьянку пристальным взглядом и как будто вопрошая, а не врешь ли ты, детка. Левран же... просто опустил взгляд, задумчиво рассматривая содержимое собственной тарелки, как будто сказанное Бьянкой было ему совершенно неинтересно.

Вполне удовлетворенная произведенным эффектом, Бьянка доела в полной тишине пирожные, промокнула рот салфеткой и поднялась со стула.

– Пожалуй, прогуляюсь, если вы не возражаете.

– Да-да, конечно, дорогая, – пробормотала потрясенно Верита. Лиззи промолчала.

Бьянка сделала книксен и, повернувшись, пошла вперед по освещенной дорожке. Отчего-то ее слегка подташнивало, и было непонятно, то ли желудок совершенно отвык от жирного крема, то ли собравшееся общество так повлияло. Она, конечно, поставила их на место, потому что Верита и Лиззи понятия не имеют, что делают с мужчинами, ну а братья Шико... хм, наверняка они тоже еще не знали женщин. Виконт, их отец, был весьма строг в этом отношении. Самое большее, что могло перепасть братьям, – потискать в углу горничную, а потом получить выволочку от родителей. Правда, то, как смотрел на нее Левран... не понравилось. Внутри Бьянка стушевалась, и этот липкий взгляд живо напомнил ей столь успешно выполненную миссию по краже артефактов.

Но – в самом деле. Ксеон был красивым мужчиной. И уж конечно, не грыз ногти и не ел собственные козявки...

Сама того не заметив, Бьянка углубилась в плохо освещенную часть сада. Дорожка здесь совсем заросла, туфельки промокли, и стоило бы повернуть обратно – но вид укутанных туманом цветущих яблонь завораживал. Девушка остановилась, взгляд блуждал по светлым шапкам, сложенным из тысяч нежных цветов.

«Хорошо-то как, – подумала Бьянка, – красиво».

И вздрогнула. Неподалеку, в сумерках и тумане, под чьей-то ногой хрустнула ветка.

* * *

Бьянка не считала себя трусихой. Да и чего бояться? Она же не в лесу. Все ж таки на балу в честь дня рождения Вериты Ларно. Кого здесь бояться? Все свои, все знакомы. Разве что только... этот медведь, лорд Сандор. Но с чего бы ему таскаться по залитому сумерками саду? Скорее он играет в бридж и надирается вместе с прочими джентльменами.

Бьянка повернулась на звук, прищурилась. Разглядела высокий силуэт меж растрепанных яблонь.

– Кто там? – громко спросила она.

Но ей не ответили. Мужской силуэт быстро приближался, а Бьянка внезапно ощутила приступ паники.

Бежать, ей надо срочно убираться отсюда.

Но в длинном платье не слишком-то побегаешь. Да и – помилуйте! – от кого бежать?

«Здесь все знакомы, все свои», – повторила про себя Бьянка и решила спокойно дожидаться неведомого гостя.

Сперва она думала, что и в самом деле это лорд Сандор, распроклятый мужлан, так ей напакостивший. Но по мере приближения становилось ясно, что мужчина худощав и высок, в то время как у Сандора телосложение было просто медвежьим.

– Эй, – уже нерешительно позвала Бьянка, – почему вы не отвечаете, когда леди спрашивает?

А потом из тумана вылился Левран Шико и остановился перед ней, тяжело переводя дыхание.

– А, это вы. – Бьянка выдохнула с некоторым облегчением. – Тоже решили прогуляться? Впрочем, я уже собираюсь...

В потемках ей было сложно рассмотреть выражение лица Леврана, но отчего-то ей почудился злобный оскал. Его белокурые волосы свисали на лицо, как у сумасшедшего. Бьянку пробрало морозом до самых кончиков пальцев, она невольно попятилась. Мгновенный рывок – она не успела даже завизжать, как оказалась сжата в железных объятиях, и Левран остервенело впился в ее губы своим слюнявым и вонючим ртом.

К горлу подкатил тошнотворный ком, Бьянка замычала, замолотила руками по плечам парня – но тот только сильнее сжал ее, да так, что нечем стало дышать. Он толкнул Бьянку спиной к яблоневому стволу, прижал всем телом, и девушка, холодея от ужаса, вдруг осознала, что этот поганец, этот извращенец тискает, сжимает ее бедра.

– Перестань! – ей удалось наконец освободить губы. – Да как ты смеешь! Отпусти, придурок!

Но Левран не только не отпустил, наоборот, зажал ей рот потной ладонью, а другой рукой сжал грудь, да так больно, что слезы брызнули из глаз.

Да что ж это такое?

Бьянка мычала и вырывалась, пыталась брыкаться, часть ее ударов достигала цели, но только раззадоривала парня.

– Ах ты шлюшка, – прохрипел он, – маленькая сладкая шлюшка. Я тебе сделаю приятно, давай, не сопротивляйся.

– Пошел вон, козлина! – выкрикнула Бьянка. – Все расскажу твоему отцу!

– Да рассказывай. Кто тебе поверит?

От страха Бьянку тошнило, и перед глазами прыгали мушки. А силы... силы убывали, по мере того как Левран озверело стискивал ее ребра, прижимал к дереву. И потом полез под юбку. Вцепился в бедро так, словно хотел оторвать кусок мяса, дернул, стягивая, панталоны.

– Давай, раздвинь ноги, – хрипел ей в лицо, обдавая вонью. Почему-то у него постоянно воняло изо рта.

– Нет! – Бьянка яростно укусила его за щеку, отпрянула, ощущая кровь на языке.

А потом... он ее ударил.

Голова мотнулась, мир перед глазами поплыл, и Бьянка с ужасающей ясностью поняла, что падает... нет, уже упала на траву, и что тяжелая туша придавила сверху, и что отвратительные потные пальцы уже хозяйничают под нижним бельем, заставляя чувствовать себя грязной, отвратительно, тошнотворно грязной...

– Оставь меня, скотина, – из последних сил прохрипела Бьянка, – оставь!

И заплакала тихо, навзрыд.

Вот и все. Сейчас... сбудется тот кошмар. Посреди парка, считай, в доме приличных людей. Вот бы... просто исчезнуть. Чтобы ничего не чувствовать и не знать.

Она не сразу поняла, что изменилось. Дышать стало легко.

Потом...

– Тебе ясно сказали, что нет. Пошел вон, говнюк малолетний.

И сочный хруст, с каким обычно ломают носы.

Короткий вскрик, отборнейшая ругань.

– Ты, ты! Да кто ты такой? – визгливо выкрикнул Левран. – Мужичье отродье!

– Пошел. Вон. Пока я не свернул тебе шею, ублюдок.

– Ты у меня получишь! – сорвался на фальцет Шико-старший. – Или сам хочешь развлечься?

Внезапно воцарилась тишина, и Бьянка услышала звук быстро удаляющихся шагов.

Пауза. Все замерло, остановилось. Даже сердце пропустило удар.

– Леди Эверси, – невозмутимо позвал Сандор, – поднимайтесь. Можете подняться? Он ушел, все. Вряд ли побеспокоит еще раз. Скорее, побежит за лечебным артефактом, морду выправлять.

Бьянка застонала и закрыла ладонями лицо. Она-то думала, что не может быть более стыдно, чем тогда, в спальне Ксеона. Оказывается, может.

– Ну же, – не унимался Сандор, – вставайте. Надо привести себя в порядок и возвращаться к гостям.

– Ненавижу-у-у-у, – проскулила она. – Это все... вы-ы-ы-ы. Из-за вас. Все меня теперь считают шлюхой, с которой можно делать все что хочешь...

И прикусила изнутри губу. Желание исчезнуть, обратиться дымком стало почти необо-
римым. А может, и правда, в пруд – и все? Все сразу прекратится?

Она задрожала, когда горячие руки подняли ее, поставили на ноги. Одернули задранный подол платья.

– Не троньте. Не троньте!

– Да я не трогаю, Всеблагий с вами, – в низком голосе медведя послышались нотки обиды.

– Ненавижу вас, – всхлипнула Бьянка, – это вы виноваты.

– Возможно. Ну так что с того?

Это было... настолько неожиданно, настолько возмутительно, что Бьянка отважилась открыть глаза. В темноте лорд Сандор был страшен, словно неведомое чудовище. Оборотень-медведь. Огромный, темный, в глазах – лихорадочный блеск и столь явное желание убивать, что Бьянка затрепетала. А потом вспышкой молнии – «ну так что с того?»

– Что с того? – Она задохнулась от внезапно нахлынувшей ярости. – Этот ублюдок едва не изнасиловал меня.

Чудовище ухмыльнулось.

– Так вам, Бьянка, все равно ведь терять нечего. Так ведь, м?

Она застонала. Да за что ж ей все это? Унижения. Оскорбления. Девушка благородных кровей не должна слушать... все эти гадости. Неужели Всеблагий так наказывает за то, что натравила механоида на жену верховного инквизитора? Глупая это была выходка, совсем дурная, но ведь она уже расплатилась сполна, или нет?

– Убирайтесь, – выдохнула она, глядя сквозь Сандора, – убирайтесь, а не то я...

– И что вы мне сделаете? – он усмехнулся.

– Я вам глаза выпарапаю.

– Если длины рук хватит, – язвительно заметил Сандор. – Впрочем, не буду вам надоедать. Только не бродите по саду в одиночестве, Бьянка. А то мало ли кто еще захочет попробовать ваших прелестей. С вашей-то репутацией.

Бьянке показалось, что еще чуть-чуть, и у нее начнут крошиться зубы оттого, как сильно она стиснула челюсти.

Хотелось визжать, орать, драться и царапаться. Искушать, наконец, этого медведя. Спас он ее, видите ли. А до этого... все переломал и растоптал в прах.

Она поняла, что сейчас попросту сорвется, скатится в пропасть самой банальной женской истерики.

Но ведь... она сильная? Она выдержит?

Кое-как взяв себя в руки, Бьянка холодно посмотрела на Сандора.

И так же холодно сказала:

– Благодарю вас, лорд Сандор, за помощь. А теперь оставьте меня. Я не желаю вас видеть. Никогда больше.

Мужчина хмыкнул и, развернувшись, быстро пошел прочь, сбивая на землю нежные лепестки яблоневого цвета.

Бьянка осталась одна и без сил привалилась к покореженному стволу. Теперь ее трясло, ноги подгибались, а голова раскалывалась от злой, тянущей боли. Она пощупала скулу, по которой прошелся кулак Леврана. И как в таком виде возвращаться на бал? Засмеют. Теперь уж точно сочтут гулящей девкой. Если даже этот медведь ее таковой считает... Но, Претемный его дери, кто дал ему право разговаривать с ней в таком тоне?

Она стиснула дрожащими пальцами яблоневую ветку.

Нужно немного передохнуть, вот и все. А потом заняться своим внешним видом.

* * *

Нарыдавшись вдоволь, Бьянка все же попыталась придать платью должный вид, и ей это почти удалось. Ну а то, что подол немного запахчался зеленью, – так это потому, что ткань замялась под ножку стула, когда сидела за столом с подругами. Она дрожащими руками поправила прическу, прислушалась. Из дома доносились звуки вальса, а это значило, что, возможно, на ее отсутствие не обратили внимания. Еще некоторое время Бьянка прикладывала к разгоряченным щекам прохладные цветки яблонь, потом решила, что идеала все равно не достичь. С тем и двинулась к дому, стараясь ступать осторожно и не споткнуться в темноте. Очень скоро она вышла на хорошо освещенную дорожку, встряхнулась и выпрямила спину. Вот и все. Злоключения остались позади. Ну а Левран... эта скотина будет помалкивать. Лорд Сандор, скорее всего, так подровнял ему нос, что сын виконта наверняка сидит теперь где-нибудь в глубине дома с ледяным компрессом и рассказывает своей матушке о том, как споткнулся о торчащий из земли корень и упал.

Бьянка пошла вперед быстрее и бодрее и вскоре добралась до старой беседки, увитой вечнозеленым плющом. Сквозь литые решетки что-то белело внутри.

«Наверняка кто-то из гостей уединился», – решила девушка и остановилась.

Ей вовсе не хотелось своим появлением прерывать... хм, ну мало ли чем они там заняты.

Бьянка внимательно прислушалась еще раз – из беседки не доносилось ни звука.

И только призывно белела ткань платья, как будто дергая за руку, заставляя свернуть с дорожки и сделать шаг туда, куда вовсе не следовало...

«Кто бы это мог быть?»

Хмыкнув, Бьянка снова двинулась вперед. Она просто прошмыгнет мимо и даже не будет заглядывать внутрь. Вдруг там влюбленная парочка. Хотя здесь скорее Верита и Лиззи будут шушукаться, обсуждая ее, Бьянку Эверси.

«Ну и Претемный с ними, – рассердилась Бьянка, – ноги моей больше не будет в этом доме. Лучше уж правда в монастырь податься. В конце концов, у меня есть старшая сестра, вот она пусть и продолжает наш славный род».

Гордо выпрямившись, девушка величаво проплыла мимо беседки, повернула голову, собираясь прошептать что-то вроде «всем доброй ночи». И внезапно почувствовала, как слова застряли в гортани, а ноги стали ватными и непослушными.

Ее очень хорошо было видно сквозь широкую входную арку.

Лиззи. В белом платье. Она сидела на грязной мраморной скамье, совершенно неподвижно сидела, сложив руки на животе и уронив подбородок на грудь. Пышные юбки были бесстыдно задраны, а ноги совершенно неприлично разведены в стороны, как будто Лиззи, красавица и умница, предлагала себя каждому проходящему мимо мужчине.

– Лиззи? – оторопела Бьянка. – Лиззи! Ты...

Словно зачарованная, она ступила в тень беседки. Внезапно ей стало очень страшно, пожалуй, даже страшнее, чем когда шла похищать артефакты по заданию лорда Сандора. Во рту собиралась кислая слюна, стало нечем дышать.

– Лиззи, – громким шепотом позвала Бьянка.

А потом разглядела лицо, неподвижное, замершее. И взгляд тусклый, остановившийся.

– Лиззи! – А взгляд помимо воли опустился ниже, к шее.

Черные синяки. Глубокие царапины, порезы. Чьи-то страшные когти прошли по белой коже. И бурые разводы на бедрах.

Бьянка попятилась, споткнулась, чуть не упала. Дыхание сбилось окончательно, но она все же нашла в себе силы отпрянуть и пуститься прочь по дорожке. С трудом соображая, куда бежать, Бьянка уже плакала навзрыд, не сдерживаясь. Как же так? Кто? Почему?!!

В какой-то миг она нырнула в тень и с размаху ткнулась лицом во что-то большое и твердое. И тут уж закричала во всю силу легких и кричала до тех пор, пока щеку не обожгло обидной болью от пощечины.

– Прекратите! – пророкотал Сандор. – Ну?!! Что случилось?

И тогда ноги подкосились. Бьянка повисла тряпочкой в мощных руках самого ненавистного мужчины.

– Лиззи, – всхлипнула она, – там, в беседке... она... кажется... мертва.

Глава 3

Служба тайного сыска и его крысиное величество

В мертвецкой было серо, холодно и неприятно. Пахло хвоей и тошнотворной сладостью, от которой сводит челюсти, а к горлу подкатывает содержимое желудка. Рой остановился на миг у входа, не удержался от соблазна вдохнуть побольше того, правильного и ничем не пахнущего воздуха из-за двери. Глупо, конечно, на час не надышишься, но от мысли о том, что придется сейчас беседовать с доктором и все это нюхать, уже мутило.

Он все же сделал над собой усилие и прошел внутрь помещения.

Мельфор, в длинном халате из беленого льна, как раз обтирал руки чем-то резко пахнущим. Девушка была распластана на столе, ноги разведены в стороны, и Рою инстинктивно захотелось чем-то ее прикрыть. День назад она была молодой, счастливой и живой. А теперь вот выставлена напоказ, и все в этом было неправильно.

– А-а-а, лорд Сандор, хорошо, что заглянули, – прошелестел Мельфор. – А я как раз собрался отчет писать. Нужно обсудить кое-что, прежде чем я это внесу в протокол.

Рой остановился рядом с неподвижным белым телом Лиззи, отметил про себя, что жертва похожа на Бьянку Эверси – до неприятных мурашек по коже, до липкого, мерзкого холодка по позвоночнику.

– Надругательство было? – спросил хмуро.

И посмотрел на доктора. Мельфор только передернул тощими плечами.

– Было, конечно, было. Скорее всего, сперва задушил, а потом... хм...

– Откуда это видно?

– Артефакторный анализ, лорд Сандор. И это все, вне всякого сомнения, я внесу в отчет. Есть еще одна маленькая деталь, именно ее я и хочу обсудить.

Рой еще раз обошел вокруг стола. Перед глазами стояло бледное лицо Бьянки, когда она безвольно обмякла у него в руках и потеряла сознание. Надо было признать, ночь оказалась слишком насыщенной событиями для девочки. И хоть и не хотел ее жалеть, хоть и убеждал себя в том, что наплевать и на Бьянку, и на все ее алчное семейство, – кольнуло под сердцем сладкой тянущей болью. Бьянка была такой маленькой, такой беззащитной и такой безрассудно смелой... Что едва ли не впервые в жизни Рой ощутил странное, совершенно нерациональное желание: сграбастать эту девчонку, утащить к себе в берлогу и никуда, никуда не отпускать. Сделать своей собственностью. И плевать, что он не будет ее первым мужчиной... Ему вообще было наплевать на факт наличия или отсутствия невинности.

– Вот, взгляните, – Мельфор указал на поперечный разрез под пупком мертвой девушки, – на самом деле рана очень глубокая, почти до позвоночника.

– И что? Зачем это было делать?

– Если бы я знал, лорд Сандор, если бы знал. Но самое главное, что тот, кто это сделал... вырезал у нее тот орган, в котором вынашивают ребенка. И унес.

– Очень весело, – вздохнул Рой. – В поместье Ларно забрался сумасшедший?

– Возможно, – доктор понурился, – а возможно, что и нет.

– Кому в здравом уме может это понадобиться?

В светлых глазах Мельфора скользнуло привычное уже отражение мысли.

– Вот именно это я и не хочу пока вносить в протокол. Знаете, артефакторика, то есть вещьмагия, может принимать весьма уродливые формы. Возможно, как раз этой части женского тела не хватало убийце для, гм, изготовления какого-нибудь артефакта.

– Не вносите пока это в протокол, – Рой задумчиво мерил шагами комнату, – пусть останется между нами. Тело приведите в порядок и выдайте родственникам для погребения. Претемный... все это очень плохо. Искать неведомого артефактора – сомнительное удовольствие.

– Единственный артефактор на все королевство – это королева, – почти прошептал Мельфор. – Вот почему я не хотел вносить это в протокол.

Рой поперхнулся воздухом.

– Да зачем ей это?!! У нее и так все есть. Хотела корону – получила корону, да еще и прекрасного мужа в придачу.

– Мало ли, лорд Сандор. Возможно, королева хочет создать мощный артефакт защиты. А что ей, ависийской ведьме, смерть какой-нибудь девчонки? Она поставила себе цель и спокойно идет к ней... Наняла кого-нибудь... И все, готово дело.

Рой нахмурился. Дело принимало какой-то уж совсем дурной оборот. И одна его половина вопила о том, что королева Льер Ависийская просто не может быть замешана в подобной гадости, а другая, осторожная и выдавшая жизнь, нашептывала, что предположение, высказанное Мельфором, нельзя просто так взять и отбросить. В самом деле, откуда знать, что на уме у женщины, которую в народе прозвали ависийской ведьмой?

– Помалкивай об этом, – сказал Рой, – и ничего насчет вырезанного органа в протокол не вноси. Посмотрим, что будет дальше.

– Простите, лорд Сандор... а я могу это сказать верховному инквизитору?

– Отчего нет, – буркнул он сердито, – Аламар Нирс занимается магами. А вещьмагия – хоть и чуждая нам, жителям архипелага, но все же магия. Пусть тоже голову поломают, что со всем этим делать.

Он еще раз окинул взглядом неподвижное тело и понял, что невыносимо хочется глотнуть свежего воздуха. Рой не боялся трупов, но смотреть на мертвую Лиззи было неприятно.

– Так мы обо всем договорились, м?

– Конечно, лорд Сандор. Все сделаю, как вы сказали.

– Очень на это надеюсь, Мельфор.

И он уже собрался уйти, как вспомнил об одной незначительной детали. Быстро вынул из внутреннего кармана бумажник и отсчитал несколько купюр нежно-сиреневого цвета на стол с хирургическими инструментами.

– Это за усердие и за то, что позвал первым. Сходи отдохни. Вина попей. Небось снится по ночам... с такой-то работой.

– Не чаще, чем вам, лорд Сандор, не чаще, – рассмеялся доктор.

Он смел со стола купюры очень выверенным, отточенным годами движением.

– Спасибо, лорд Сандор.

– Да, еще забыл сказать, – Рой остановился уже на пороге, – поменьше думай, Мельфор. Порой даже думать бывает опасно.

* * *

Все услышанное и увиденное требовало некоторого осмысления. Поэтому, вынырнув из душевной и пропахшей хвоей приемной, Рой двинулся прогулочным шагом к площади Святой Вильны, где располагалось заведение под названием «Луна и красотки». Он шел по притихшему в послеобеденное время городу, и мысли, размеренно крутящиеся в голове, не были радостными.

Королева Льер.

Предположение Мельфора, можно сказать, упало в унавоженную почву и уже давало сильные, сочные побеги.

Нынешний и совершенно законный король Шедар Фаблур женился совсем недавно на этой странной и страшной женщине. Смелый мальчик, ничего не скажешь, – приблизить к себе особу, которая сперва помогала узурпатору, принцу Ксеону, захватить трон, а заодно и убить собственного отца, а потом этого же узурпатора предала и убила. Причем убила так оригинально, что ошметки Ксеона собирали по всей округе близ дворца, дабы предать земле. Насколько Рою было известно, тело целиком так и не собрали, и в королевский склеп отправилось то, что удалось найти.

Но Шедар все-таки женился на Льер, ненаследной принцессе из враждебной Ависии. Он никого не захотел слушать, этот мальчик, который ухитрился сохранить чистоту помыслов. Заявил, что они с Льер любят друг друга и этого будет достаточно. Возможно, так было для него. А для нее?

Рой знал, что Шедар позволил жене заниматься вещьмагией. Также ему доносили, что королева порой пропадала в своей оборудованной лаборатории сутками. Шедар был уверен, что она готовит какие-то целебные артефакты. Так ли это на самом деле? Никто не знал, и никто не мог проверить. Впрочем, королева могла действительно заниматься чем-то в принципе полезным, но при этом ей понадобились особенные ингредиенты, которые она и добыла... хм, таким вот способом.

Хмурясь все сильнее, Рой торопливо шагал по вымощенному булыжником тротуару. У него были и другие версии случившегося. Во-первых, убийцей действительно мог оказаться какой-нибудь душевнобольной, случайно забравшийся в парк Ларно и совершенно случайно наткнувшийся на Лиззи, которая могла прогуливаться по аллее. Во-вторых, ее мог убить кто-нибудь из приглашенных – да хотя бы и тот придурок, что едва не изнасиловал Бьянку Эверси. Но против версии с сумасшедшим говорило состояние дорожки рядом с беседкой. Рой поутру все тщательно осмотрел и никаких признаков борьбы не обнаружил. А предположить, что Лиззи добровольно уединилась с неизвестным... Это выглядело весьма и весьма сомнительно. Против второй версии говорили свидетельства очевидцев. Они видели, как неся к дому молодой джентльмен, у него из разбитого и сломанного носа хлестала кровь, и первое, что он сделал, – это скрылся наверху, в доме, и его маменька трепетно остаток ночи прикладывала ему то исцеляющий артефакт, то пузырь со льдом. Конечно, он мог убить Лиззи еще до того, как встретился в парке с Бьянкой, но Верита Ларно и Дитор Шико в один голос твердили, что до того, как Бьянка ушла прогуляться в парк, Левран неотлучно был с ними. А Лиззи вроде как оставила компанию уже после того, как Левран вернулся, размазывая кровавые сопли.

На этом следствие, как говорится, зашло в тупик, и версия, высказанная доктором, начала казаться весьма правдоподобной.

Кто знает, что на уме у женщины, которая запросто взорвала своего бывшего любовника и делового партнера?

Тут не разобрать, что на уме у любой женщины, не говоря уж о такой сложной персоне, как Льер Ависийская.

В это время Рой уже добрался до «Луны и красоток».

Заведение было старым и очень дорогим. Роль луны исполнял большой медный гонг, привезенный с Кетокана, самого южного острова Рехши, ну а роли красоток исполняли сами красотки. Самые дорогие и доступные женщины столицы, готовые удовлетворять самые оригинальные предпочтения клиентов.

Рою нравилось это заведение. Главная зала была декорирована бордовыми бархатными портьерами, в медных кованых подставках загадочно мерцали магкристаллы, рассыпая огненные искры по полированной поверхности гонга. На столах – тяжелых, из старого дуба – в прозрачных колбах тоже светились крошечные, стертые в пыль магкристаллы, создавая дивное ощущение того, что вокруг царит мягкая южная ночь. Звездная ночь, будящая самые откровенные желания и фантазии.

Рой молча миновал двух здоровяков – те лишь кивнули, давая понять, что узнали, – и прошел напрямик в зал. Из полумрака к нему тут же выплыла хозяйка и бессменная смотрительница этого заведения – Малышка Мими. Прозвище прилипло к ней еще во времена бурной трудовой молодости, да так и осталось, хотя она уже совсем не была малышкой, а скорее большой пышной булкой, зачем-то завернутой в цветастый шелковый халат.

Впрочем, даже в зрелом возрасте Малышка Мими следила за собой, была всегда ухожена и приятна взгляду. И Рой знал, кто из городских богачей к ней хаживает. В конце концов, мужчины хотят не только молоденького тела, но и задушевной беседы.

– Лорд Сандор! – голос Мими прокатился по коже бархатом.

Она удивительно подходила к этому месту – знойная, смуглая, с хрипловатым контральто, которое заставляло невольно думать о том, как звучит этот голос в постели.

– Малышка Мими, – Рой кивнул, не без удовольствия оглядывая хозяйку борделя.

– Давненько вы к нам не заходили, – пропела Мими и фамильярно взяла его под руку. – Идемте, мой дорогой, драгоценный лорд Сандор. Ваш столик всегда ждет вас, равно как и ваша любимая комната.

Тут Рой подумал, что Малышка Мими – одна из немногих женщин, с которыми не хочется спорить. И двинулся вместе с ней к столу, накрытому ажурной скатертью.

– Вам как всегда? – темный бархатный взгляд Мими обещал неземное блаженство.

– Да, пусть принесут обед, бутылку игристого вельзенского... Шарлин свободна нынче?

– Ах, лорд Сандор, – с притворным возмущением воскликнула Мими, – я жду не дождусь, когда же вы смените ваши пристрастия и обратите взор на вашу скромную слугу! О-о-о, я бы и сама доплатила, чтобы заполучить вас себе!

– Весьма польщен, – Рой уселся за стол, – но если ты меня заполучишь, Мими, то мы перестанем быть хорошими друзьями. А ведь ты понимаешь, что иметь в моем лице друга куда полезнее, чем любовника?

Мими вздохнула. Она все понимала. В особенности то, что не просто так все неприятности – будь то финансовые неприятности или неприятности из-за клиентов – обходят «Луну и красоток» стороной.

– Вы жестокий человек, – прошелестела она. – Будет вам сейчас и обед, и Шарлин.

– Подожди, – Рой усмехнулся, – я все же сделаю тебе скромный подарок.

И, поднявшись из-за стола, достал из кармана плоскую коробочку. Приобрел давно и специально для этой знойной красавицы, да все не было времени вручить.

Он поманил к себе Мими, и та, возбужденно поблескивая глазами, медленно приблизилась. Так, что дух захватывало, когда роскошное тело зрелой женщины так красиво двигалось под тоненьким и мало что скрывающим халатом. Рой нажал на замочек, достал из коробки украшение – тяжелый кулон с оgranенным лациумом. Кристалл, конечно, не был таким дорогим, как бриллиант, – но зато в потемках выглядел куда более эффектно. Играл и переливался, мерцал, словно яркая звезда. Вот такое двойное применение было у лациума: либо в голову механоиду, либо в драгоценную оправу.

– Ну-ка, Малышка, повернись ко мне спиной. Погоди, не трись об меня как кошка, мы же договорились... – И застегнул на шее Мими золотую цепочку.

Она инстинктивно накрыла рукой кулон-каплю и простонала:

– О-о, лорд Сандор... Как мне вас отблагодарить?

Он наклонился к ее уху, вдохнул аромат сандала и южных специй.

– Обед, Мими. И Шарлин. И мой номер. Все как обычно.

Спустя некоторое время начали приносить обед на две персоны. В бокал плеснули вельзенского, и Рой сделал большой глоток. После такой ночи... и утра в мертвецкой... хотелось выпить, и выпить так, чтоб просто уснуть, ни о чем не думая. Но думать было необходимо: королева Льер, зверски задушенная блондиночка, над телом которой неведомый убийца еще

и надругался. Рою начинало казаться, что все происходящее – маленькие фрагменты чьей-то грандиозной игры. Знать бы чьей.

– Лорд Сандор, – Шарлин присела в светском поклоне.

И выглядел этот поклон более чем странно в ее исполнении: на этой молодой женщине не было ничего, кроме кружевных неприлично коротких панталончиков и корсета, красиво приподнимающего грудь.

– Садись, – он указал вилкой на стул напротив. – Ты сегодня ела?

– Спасибо, – она быстро кивнула, отчего красиво всколыхнулись ее густые черные локоны.

Несколько минут они молчали, орудуя приборами. Потом Рой налил женщине вина, поднял свой бокал.

– За встречу?

Шарлин подняла на него смущенный взгляд.

– Я уже начала беспокоиться. Думала, вдруг что с вами случилось.

Рой усмехнулся, окинул ее взглядом.

– Со мной, милая, вряд ли что может случиться. Меня при рождении проклинали так сильно, что это проклятие отражает и ножи, и стрелы, и пули.

Красиво изогнутые губы Шарлин испуганно задрожали.

– Не говорите так, пожалуйста. Вы ведь... знаете... знаете, как я всегда беспокоюсь...

– Все будет хорошо, не думай ни о чем...

Рой доел отбивную, которая оказалась просто божественной на вкус. Время от времени он поглядывал на Шарлин, видел, что в ее темных глазах поблескивают слезы, и мысленно ругал себя за то, что позволил этой милой женщине собой увлечься.

– Я собираюсь жениться, – сказал он, наблюдая за Шарлин.

Та даже в лице не изменилась.

– Что ж, мои поздравления, лорд Сандор. И кто же ваша счастливая избранница?

– Бьянка Эверси.

Вот теперь она вздрогнула и уставилась на Роя с полным непониманием.

– Но... как же... зачем?

– Я так решил, – сказал он, – так будет правильно. И, наконец, я стану тоже Эверси. Как мне кажется, отличное решение. В общем, Шарлин, лорд изволит жениться, как бы пошло это ни звучало.

Шарлин глубоко вздохнула, затем откинулась на спинку стула и принялась медленно петь из бокала вино.

– Не наживете ли вы себе наказание до конца дней своих? Только потому, что «так надо»?

– Брось, Бьянка приятная девочка, хоть и оторва. Но, – тут он сделал паузу, – свои обязательства, которые давал тебе, я тоже выполняю. Ты в накладе не останешься.

– Я всего лишь беспокоюсь о вас, лорд Сандор, – глухо произнесла Шарлин.

– А я беспокоюсь о тебе, милочка. – Он решительно отодвинул тарелку, допил вино. – Ну что, пойдём наверх?

...Ему нравилась Шарлин. Все в ней нравилось – то, как идет, как грациозно поднимается по лестнице, покачивая широкими бедрами, то, как красиво раздевается, скидывая на пол немного, что на ней надето.

Она была очень милой, эта Шарлин. И история их знакомства тянулась вот уже сколько лет. Шарлин работала в борделе Малышки Мими, а заодно снабжала Роя очень интересной информацией. Рой настолько проникся добропорядочностью и честностью женщины, что даже отговорил ее избавляться от ребенка, нажитого от очередного богатенького клиента. Шарлин родила прекрасную девочку, Рой нанял кормилицу в деревне неподалеку, и по выходным – когда таковые у Шарлин бывали – отвозил мать повидаться с дочерью. А потом он плюнул на

все и оформил над девочкой опекунство. В конце концов, для него это совершенно необременительно, особенно когда за ребенком смотрит кормилица, а девочка растет помаленьку. Ну и Шарлин работает с утроенным усердием, принося порой такие интересные сплетни, что хоть смейся, хоть плачь.

Рой знал, что Шарлин его чуть ли не боготворит. Он не сопротивлялся, потому что – в самом деле! – далеко не каждый захочет оформлять опекунство над дочерью шлюхи, пусть и дорогой. А Шарлин, питая к нему самые теплые чувства, давно уже установила некоторые границы: она никогда ничего не просила. Особенно когда дело касалось ее собственного будущего.

Поднявшись в номер, Рой осмотрелся, кивнул на застеленную кровать.

– Белье свежее?

– Конечно, лорд Сандор.

Рой быстро стянул башмаки и, сбросив лишь сюртук, лег и утонул в пуховой перине. Шарлин грациозно присела на край кровати, смотрела из-под пушистых ресниц.

Все было хорошо в Шарлин, но оставалось одно весьма существенное «но»: Рой Сандор не чувствовал к ней ничего, кроме теплой привязанности. А этого было мало, по крайней мере ему.

– Шарлин, – позвал он тихо, – я очень надеюсь, что знание о моей связи с семьей Эверси уйдет вместе с тобой в могилу.

– Зачем вы мне это говорите? Я похожа на дурочку? – женщина усмехнулась. Потом, сообразив, что между ними уже ничего не будет, подхватила со спинки стула шаль и закуталась в нее.

– Хорошо, – пробормотал Рой. И непонятно было, что именно хорошо – то ли молчание Шарлин, то ли ее понимание того, когда не нужно докучать мужчине.

«С Бьянкой так не выйдет, – он мысленно усмехнулся, – эта бестия будет наседать до тех пор, пока своего не добьется».

Усталость и плотный обед делали свое дело. Веки отяжелели, и Рой сдался.

– Я вздремну часок, – сказал он, – разбудишь. У меня сегодня еще две важных встречи.

– Хорошо. – Шарлин улыбнулась и погладила его по руке.

– Но ты можешь мне рассказать... что-нибудь интересное, пока я еще не уснул, – Рой потянулся, – и да, вот еще... очень важно. Шарлин, не шатайся нигде после наступления темноты. Этой ночью убили девушку, и я не знаю, последняя ли это жертва. Будь осторожна. Если кого и принимаешь, то только здесь. Никаких выездов на дом, поняла? Скажешь Мими, что это мое распоряжение.

Тонкие пальцы Шарлин дрогнули, но она промолчала. И Рой, окончательно обмякнув, провалился в сладкую дрему, сквозь которую, впрочем, тихим журчанием просачивался голос Шарлин. Она рассказывала ему о том, что, оказывается, барон Фьерн предпочитает, чтоб в постели обязательно присутствовала блондинка с кнутом, а граф Лаври умоляет, чтоб его хорошенько отшлепали за то, что съел тайком все варенье на кухне.

* * *

Рой вышел от Шарлин отдохнувшим, и все происходящее уже не представлялось в таком беспросветно-черном свете, как с утра. У него впереди были еще две важных встречи, но все же Рой решил добавить к ним еще одну, не менее важную. Можно сказать, почти судьбоносную.

Шагая в нужном направлении, Рой заметил на углу цветочную лавку. На лакированной двери красовалась табличка с кокетливой и зазывающей надписью: «Лучшие розы Рехши только здесь». Рой хмыкнул и дернул на себя блестящую бронзовую ручку.

Он утонул в сладком, навязчивом аромате множества цветов. Они были расставлены в вазах на стеллажах. Пышные розы, остролистые хризантемы, лилии всех оттенков... И еще

много чего, но Рой понятия не имел, как все это называется. Впрочем, он и не сильно расстраивался по поводу собственной неосведомленности в этом вопросе.

Навстречу вышла совсем юная девушка в темном платье с кружевным воротничком, присела в почтительном поклоне.

– Чем могу быть полезна, господин?

Рой еще раз окинул взглядом стеллажи.

– Мне... эм, что-нибудь красивое.

– Розы? Быть может, дополнить альстромериями? А может, вам больше подойдут флоксы?

– Просто розы, – буркнул Рой. Огляделся быстро, ткнул пальцем в первую же вазу: – Вот эти, белые.

А про себя решил, что, быть может, когда совсем состарится и будет отпущен с королевской службы тайного сыска, вот тогда и начнет изучать всякие там... альстро... впрочем, неважно.

– Упаковать? – профессионально поинтересовалась продавщица. – В наличии шелковые ленты ручной окраски и сердца из алого бархата для декора.

«Сердца, как же», – мрачно подумал Рой.

То, что он планировал, менее всего вязалось и с сердцами, и с какими бы то ни было чувствами, исключая давнюю, застарелую ненависть к людям, которые лишили его всего.

– Просто розы, перевязанные лентами.

– Какого цвета ленты? – с улыбкой спросила неугомонная девица.

Видимо, то ли она не понимала, что мужчине совершенно без толку задавать подобные вопросы, то ли, хм, в этот магазин заходили те мужчины, которые досконально разбирались и в сортах цветов, и в оттенках ленточек.

– Любые, пожалуйста. – Рой улыбнулся как можно более зловеще, пытаясь отбить у девицы всякое желание обсуждать рюши и бантики. – Поторопитесь, будьте любезны. У меня еще много дел.

Ответ ввел девушку в ступор. Наверное, и в самом деле в эту лавку хаживали мужчины совсем не такие, как Рой. Возможно, получившие великолепное образование. И, возможно, за всю жизнь не державшие в руках ничего тяжелее тех самых букетов и бархатных сердец.

Девушка подняла на Роя непонимающий взгляд, в котором уже блестели слезы, и прошептала:

– Но я не могу... так... обслуживать покупателей. Скажите хотя бы, какого цвета... у нее глаза. И я сама подберу оттенок ленты.

Глаза. Какие там у Бьянки глаза?

К великому своему стыду, и этого Рой не мог толком сказать. В свете магкристаллов... кажется, просто серые. А днем, на солнце... Голубые?

«Да, голубые. Очень холодные, как тень на снегу».

И рассердился сам на себя. Тень на снегу. Тьфу. Откуда вся эта романтическая чушь. Да и с чего бы ей быть голубой, этой тени?

– Обвяжите просто синей лентой, – выдал он, – и пожалуйста, не задерживайте меня.

Дабы поторопить продавщицу, Рой вытащил из кармана бумажник и положил на прилавок гладенькую, недавно сошедшую с печатного станка ассигнацию.

Он понятия не имел, сколько стоят цветы, но по выражению лица девушки понял, что купюры такого достоинства она видит нечасто.

– Сдачи не надо, – добавил он и отвернулся к окну, мечтая поскорее отсюда выбраться.

А то – ленточки, цветочки...

Бьянка эти цветочки, скорее всего, в окно спустит. И права будет.

Отсюда до особняка графа Эверси было рукой подать, и через четверть часа Рой уже стоял на высоком крыльце, настойчиво колотя в дверь затертым до блеска молотком. Ему открыла темноволосая девица непонятного возраста, испуганно попятилась, но взяла себя в руки.

– Милорд. Вам назначено?

Рой, оттеснив девицу, прошел внутрь. И только потом заметил сквозь зубы:

– Нет, не назначено. Доложите графу, что лорд Сандор желает побеседовать.

– Сию минуту, милорд. – Служанка одарила Роя улыбкой, которую должно было считать ослепительной и чарующей, и быстро ушла, скрывшись за аркой холла.

Рой пожал плечами и прошел внутрь, с интересом оглядывая владения Эверси, которые в скором времени собирался сделать своими.

Ожидал он... большего, что и говорить. Тонкие трещины на потолке и стенах, отстающие обои давно утратили цвет, да и позолота изрядно вытерлась – все намекало на то, что дела у графа шли не лучшим образом. В холле были развешаны портреты членов семьи Эверси, Рой без труда нашел портрет отца нынешнего графа: светловолосый мужчина в темно-синем щегольском камзоле сидел в кресле, положив левую руку на подлокотник, а правой сжимая тяжелый набалдашник трости. Рядом с креслом стояли два мальчика, один беленький и розовощекий, а другой, сильно старше, – черноволосый и кареглазый. Худенький, длиннорукий. Все в нем говорило о предках с южных островов. Лицо у мальчика этого было открытым и добрым, руку он положил на плечо старого графа. И от вида этого уже не ребенка, скорее, подростка, под кожей растекался обжигающий яд.

«Не надо быть добрым», – прошептал Рой самому себе и резко отвернулся, испытывая сильное желание самому отыскать Роланда Эверси и отстегать его по жирной физиономии розами, перевязанными синей лентой.

В этот миг раздались торопливые шаги, и из боковых дверей выплыл, наконец, граф. Служанка спешила за ним. Едва завидев Роя, он запнулся, словно налетел на невидимую стену. Кажется, немного побледнел, но затем решительно сжал губы, нахмурился.

– Чем обязан, лорд Сандор?

«Неужели знает?» – Рой пристально вглядывался в круглое, украшенное двойным подбородком, розовое лицо графа. Возраст брал свое, и Эверси быстро краснел от малейшего волнения. Вот и сейчас краска медленно заливала щеки, лоб, шею...

«Да нет же... откуда ему знать...»

Он выдавил улыбку и выразительно взмахнул букетом.

– Я пришел осведомиться о здоровье вашей дочери. Прошедшая ночь выдалась для нее слишком тяжелой. Кстати... могу я ее увидеть?

От его взгляда не ускользнуло то, что Эверси мгновенно расслабился. Как будто ожидал совсем других вопросов и выдохнул с облегчением, когда Рой их не задал.

– Не можете, лорд Сандор, – покачал лысоватой головой граф. Тонкие светлые волосы пухом топорщились над плешью, и в свете дня казалось, что над головой Роланда искрится золотое сияние. Ну прямо как у святого.

– Отчего же? – Рой еще раз улыбнулся, понимая, что его эта улыбочка, скорее всего, выглядит как крокодилий оскал и чувства вызывает соответствующие.

Граф Эверси развел руками.

А Рой прилип невольно взглядом к пухлым графским ладошкам. Тебя бы, драгоценный, да на каторгу. За все, что сделал.

– Видите ли, лорд Сандор, Бьянка слегла с нервной горячкой. Шутка ли – увидеть подругу мертвой, да еще в таком... хм, виде. С самого утра жар у девицы, ничего не поделаешь. Служанка постоянно к ней бежит, уксусом обтирает. Вот послал за лекарем...

– Но тут лекарь не помог, – хмуро закончил Рой.

Нервы ведь – это такая странная штука. Любой маг скажет, что здорова. Вот ежели бы руку повредила или нос разбила – тогда да, помогли бы.

Рой окинул графа внимательным взглядом. Где-то очень глубоко, на уровне ощущений, рождалось понимание, что с Эверси что-то не так. То ли глаза бегают, то ли платок в руках комкает. Роланд что-то явно недоговаривал.

– Я хочу увидеть Бьянку, – твердо сказал Рой, – проводите меня к ней.

– Я уже сказал, что это невозможно, – вздохнул граф, – она... не одета. Вы же не хотите опозорить девушку, застав ее голой?

Ярость взметнулась в душе клокочущим пламенем. И Рой, приблизившись к графу, обманчиво мягко произнес:

– Да плевать я хотел на то, что вы сказали. И на то, что дочь ваша не одета. Вам ведь известно, что бывает, если перечить представителю королевского тайного сыска?

– Хорошо, – Эверси торопливо поднял руки, как будто отгораживаясь от Роя, – идите. Только ничего хорошего вы там не увидите. Дженни, проводи гостя.

Потом Рой поднимался по скрипучим деревянным ступеням, внимательно глядя под ноги и стараясь не наступить на подол платья идущей впереди служанки.

Он и сам не до конца понимал, отчего так упорствует в своем желании непременно увидеть Бьянку. Убедиться в том, что с ней не случилось ничего плохого? Что она жива? Да ладно, старина Рой. Неужели ты думаешь о дочери своего врага?

– Прошу вас, – девица сделала книксен и отворила дверь.

Рой, продолжая сжимать букет, переступил порог.

В ноздри ударил запах уксуса вперемешку с едким запахом ароматических солей. Сквозь старательно задернутые шторы свет едва пробивался в спальню. В глаза бросился старенький туалетный столик с высоким зеркалом. А потом взгляд прилип к широкой кровати, где, утонув в скомканных простынях и кружевах, лежала Бьянка.

Значит, Эверси не обманул. И, значит, Бьянка действительно заболела от нервного перенапряжения.

Рой вздохнул, сунул служанке в руки не нужный теперь букет роз и шагнул к кровати.

Бьянка лежала с закрытыми глазами, золотистые локоны разметались по подушке, и Рой удивился тому, какая она маленькая и жалкая. Он посмотрел на запястье в кружевной манжете сорочки. От вида бледной, прозрачной кожи и тонких голубых вен единственное, чего хотелось, – это как следует накормить девушку.

– Бьянка, – сам не зная зачем, позвал он.

Слипшиеся стрелками коричневые ресницы затрепетали, но глаз Бьянка не открыла. А потом вдруг хрупкое тело выгнулось дугой под одеялом, и Рой, холодея, услышал хриплый шепот:

– Пожалуйста, ваше величество... не надо... не на-а-адо...

И Бьянка застонала так жалобно, как будто ей было невыносимо больно.

Рой тихо помянул Претемного. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что именно Бьянка видела сейчас.

– Я предупреждал, ничего хорошего здесь нет, – раздался из-за спины голос графа, – а теперь прошу покинуть комнату моей дочери, а заодно и мой дом.

Молча кивнув, Рой побрел к выходу. Вся злость, вся ненависть, которые он пестовал как дитя и подкармливал терпеливо в ожидании нужного часа, куда-то делись.

Вид бледного личика Бьянки, искривившегося в совершенно детском плаксивом выражении, выжигал изнутри, растекаясь кислотой по венам.

«Зачем ты сделал это с ней, Рой Сандор? Разве нельзя было придумать что-нибудь другое и не подсылать ее к узурпатору, чтобы отобрать артефакты?»

Впрочем, уже ничего не изменить. Увы.

Спустившись в холл, он повернулся к графу и сказал просто:

– Я женюсь на Бьянке.

Светлые брови Роланда медленно поползли вверх.

– Простите, лорд Сандор, но... вынужден вам отказать.

– Отчего же? Я слышал, у вас просто беда с репутацией, а заодно с деньгами, – Рой не стал скрывать злорадной усмешки, – а я решу все ваши проблемы разом.

– Решить-то решите, – на лице графа внезапно появилось очень неприятное чопорное выражение, – но, видите ли, наш род ведет начало от первых королей Рехши. И даже дочь с испорченной репутацией...

– Вы хотите сказать, дочь, которую все считают шлюхой, – вкрадчиво подсказал Рой.

Граф пожевал губами, как будто не решался произнести вслух то, что хотел. Но потом решился:

– Да, даже дочь, которую весь двор признал шлюхой... я не отдам замуж за простолюдина.

Рой ухмыльнулся и посмотрел в светло-голубые глаза Эверси.

Возможно, он хотел увидеть в них хотя бы каплю раскаяния за все сказанное. И за все содеянное.

Но, разумеется, ничего подобного в них не увидел.

– Я женюсь на Бьянке, хотите вы того или нет, – сказал тихо. – Доброго дня, граф Эверси. Желаю вашей дочери скорейшего выздоровления. А потом ее будет ждать сюрприз.

И, не дожидаясь ответа, неторопливо распахнул входную дверь.

* * *

В королевском дворце Рой всегда чувствовал себя немного неуютно. Еще когда наставник привел его с собой на аудиенцию к старому и покойному ныне королю Маттиасу – а Рою тогда как раз исполнилось двадцать, – уже тогда бело-голубые залы казались стерильными и безликими, а сотни мраморных статуй всех размеров отчего-то напомнили этакое мертвое воинство, которое, впрочем, по приказу хозяина было готово ринуться в бой и растерзать неугодных в ключья.

Годы спустя Рой с усмешкой вспоминал о том, как торопился за наставником и проходил мимо застывших в мраморе грифонов, единорогов, воинов в доспехах и дев без доспехов и вообще одежды едва ли не на цыпочках, а потом еще оглядывался – все казалось, что твари злобно таращатся в спину.

Впрочем, узнав короля Маттиаса чуть лучше, Рой с грустной улыбкой понял, что неспроста мертвый камень тогда внушил иррациональный страх. Это было своего рода предчувствие, неосознанное, но верное. У короля Маттиаса в самом деле было неживое войско из рукотворных тварей, механоидов. Лучшие маги-конструкторы Рехши трудились над созданием невообразимых существ, идеальных мясников, а на островных рудниках добывался лациум, способный заставить неживое двигаться и даже примитивно мыслить. Прелесть лациума заключалась в том, что, неся отпечаток воли хозяина, он полностью подчинялся его воле, и до определенного времени все это прекрасно работало...

До того, как принц Ксеон решил захватить власть.

Вся беда в том, что принц Ксеон, старший брат Шедара Фаблура и, как оказалось, вовсе не сын Маттиаса Фаблура, родился менталистом. То есть мог снять печать хозяина с лациума, заставляя механоидов служить обладателю этого дара.

Ксеону тогда помогала ависийская ненаследная принцесса Льер, и, надо сказать, они добились определенного успеха: король Маттиас был убит, механоиды перешли на сторону Ксеона, а принц Шедар отправился в вечное заключение в замок Энц. И сидеть бы ему там до

самой смерти, если бы не верховный инквизитор этого королевства. Именно он нашел Роя и дал понять, что узурпатору не место на троне.

Ависийская принцесса тоже сыграла свою роль. Все же усомнилась в необходимости такого короля, как Ксеон. Похоже, он не раз и не два угощал ее хлыстом. Ну и Аламар Нирс вовремя подоспел с уговорами... Все закончилось быстро и несколько шумно: Льер взорвала Ксеона прямо в воздухе, в тот момент, когда тот признал поражение и собирался бежать.

А потом Шедар на ней женился.

Несмотря на то, что Льер его старше лет на пять. И несмотря на то, что у нее уже были мужчины.

Вот так просто, взял и женился, наплевав на печальный факт того, что эта красивая женщина была хладнокровной убийцей, а, помимо того, еще и серьезно занималась разработкой артефактов на основе вещьмагии.

Разумеется, это нравилось далеко не всем. Случались и покушения на рыжую ависийскую ведьму. Шедар же при помощи службы тайного сыска и инквизиции быстро убедил недовольных в том, что Льер неприкосновенна. У него выходило убедительно, у нового короля архиепископа... А вот Рой до сих пор изрядно сомневался в правильности такого решения.

Впрочем, его-то не спрашивали.

...Шедар из династии Фаблур ожидал его на крытой веранде, выходящей в сад. Он прохаживался вдоль распахнутых окон, задумчиво водя пальцем по подоконникам из светлого дерева, и Рой внезапно подумал, что за те месяцы, что они не виделись, мальчик очень сильно возмужал и как будто раздался в плечах.

Да и какой, к Темному, мальчик.

Перед Роем был король. Молодой – но самый что ни на есть король. С приятным, открытым лицом и цепким, пронизывающим взглядом темных глаз.

На веранде был накрыт легкий перекус, и Рой, только вдохнув аромат свежесваренного кофе, ощутил зверский голод. Еды, правда, здесь было немного: крошечные канапе да воздушные лимонные пирожные, украшенные первыми ягодами земляники.

– Ваше величество, – он остановился у стола и почтительно кивнул, – благодарю за возможность побеседовать с глазу на глаз.

Шедар улыбнулся – настолько тепло и душевно, что Рой невольно испугался за мальчика. Король ни в коем случае не должен быть таким. Ибо съедят. Сожрут свои же, те, кто привык боготворить.

А потом одернул себя. Шедар уже продемонстрировал, что в случае необходимости прячет эту свою детскую доброту куда подальше. Особенно наглядно это у него получилось, когда казнил заговорщиков, что имели неосторожность покуситься на жизнь его королевы.

– Лорд Сандор, – выверенный жест, приглашение занять место за столом, – вы же знаете, я всегда рад вас видеть. Тем более что вы сделали для меня куда больше прочих. Не выпьете ли со мной чашечку кофе?

– Благодарю.

Рой быстро огляделся, понял, что прислуги рядом нет, и потянулся к кофейнику, чтобы налить и королю, и себе.

– Как вы поживаете, ваше величество? – спросил коротко.

Понятное дело, что такие вопросы не следует задавать правителю, но Рой знал, что имеет на это полное право. В конце концов, он этого правителя на руках выносил из камеры замка Энц, потому что к тому моменту правитель идти уже не мог. А потом еще и вливал в посиневшие губы подогретое вино, очень крепкое и сладкое, и, ругаясь на чем свет стоит, растирал заочевенные, сведенные судорогой руки его высочества...

Шедар снова улыбнулся. Снял белый с золотом камзол и очень по-домашнему, в белой рубашке, устроился за столом. Положил себе на тарелку пирожное и азартно подхватил ложечкой ягоду.

– Спасибо, все хорошо. Еще никому не говорил, но тебе могу. Льер беременна.

– Это хорошая новость.

Рой помолчал, прихлебывая кофе. Горький и густой, как и любил. Сливки и зефирки он оставлял женщинам.

То, с какой любовью и теплом в голосе Шедар говорил о своей королеве, заставляло Роя чувствовать себя неуютно. Все ж в мертвецкой лежало тело Лиззи, а Мельфор... сукин сын Мельфор заронил в душу сомнения. А еще Рой ловил себя на том, что завидует, самую малость. У него самого ведь никого не было, чтоб так, до беспамятства, в омут с головой, и чтоб только вместе навсегда...

– Прося о приватной беседе, ты говорил, что у тебя есть важное дело, – сдержанно напомнил Шедар, выскребая из корзиночки лимонный крем.

– Да, ваше величество. – И Рой не мог сдержать ухмылки, представив себе, как нальется кровью физиономия графа Эверси. – Помните, вы как-то сказали, что я могу просить вас о многом?

Шедар прищурился. А Рой в очередной раз почувствовал, что король – истинный сын своего отца и что вся его душевность и доброта могут схлынуть вмиг, обнажая стальной лик истинного монарха.

– Ну, только то, что в моих силах, – осторожно сказал Шедар.

– Это в ваших силах, ваше величество. Я хочу жениться на Бьянке Эверси. И хочу с этой женитьбой также разделить титул графа Эверси с ее отцом. Но, видите ли, во-первых, старый граф против. Я ж не так родовит, как того бы хотелось. Во-вторых, Бьянка меня терпеть не может... Но я не буду ее обижать, клянусь, буду хорошим мужем, со временем у нас все наладится. И вот, прошу у вас поддержки в этом, хм, щекотливом вопросе.

Шедар откинулся на спинку стула, вертя в пальцах серебряную ложечку.

– Бьянка... хм...

И все так же, с прищуром, смотрел на Роя.

– Все так, как ты говоришь? – спросил наконец. – Ты просто хочешь титул графа Эверси и Бьянку в качестве жены?

– Да, ваше величество, – смиренно ответил Рой, – а чего еще можно хотеть?

– Ты не настолько прост, чтоб графский титул был для тебя целью.

– Но в этом случае – да, все именно так.

– Бьянка никогда не производила впечатление девушки, которая будет хорошей женой. Если тебе нужен титул, я могу...

– Нет, ваше величество, – Рой покачал головой, – вы не понимаете... это личное. Ну а что до Бьянки... Как я уже говорил, я не буду ее обижать. А с ее капризами уж как-нибудь справлюсь.

Шедар пожал плечами.

– Ну хорошо. Я изготовлю для тебя специальный указ, по которому Бьянка будет вынуждена стать твоей женой, а титул Эверси будет наследоваться тобой как ее мужем и твоими детьми. Дело-то нехитрое.

И снова тепло и располагающе улыбнулся.

Рой выдохнул. И отпил еще кофе.

– Ее величество продолжает заниматься вещмагией? – поинтересовался осторожно.

Шедар беззаботно махнул рукой.

– Конечно, продолжает. Куда ж без этого. Делает милые вещицы, вроде грелки для чайника. Кстати, можешь на нее посмотреть, она сейчас к кофейнику прилеплена.

И повернул кофейник другим боком, так что Рой смог рассмотреть маленький комочек полупрозрачной слизи, прилепленный на стыке стенок и дна сосуда.

– Мелочь, а удобно, – с трогательной нежностью в голосе сказал Шедар.

Рой в раздражении прикусил губу. Не просто так говорят, что все влюбленные теряют способность здраво мыслить. Ну разве будет достаточно для Льер, которая изготавливала сложнейшие артефакты, подобной ерунды? Конечно же, нет... Но тогда...

– А к чему, собственно, вопрос? – в голосе короля внезапно прорезался металл.

И Рой решил. Говорить начистоту – это ведь все равно что в холодную воду нырнуть. Всего-то нужно себя заставить.

– Ночью была убита девушка из хорошей семьи, – сказал он, глядя прямо в темные глаза Шедара, – ее убили во время бала. Заманили в беседку, задушили, а потом еще и надругались. Я понимаю, что мне не следовало бы говорить вам все это, ваше величество, но... на вскрытии выяснилось, что некто вырезал... гм, детородный орган у девушки. И унес с собой.

– И ты хочешь сказать, что это сделала Льер? – с опасной вкрадчивостью поинтересовался Шедар. – Не разочаровывай меня, Рой Сандор.

Рой покачал головой.

– Именно поэтому я говорю все как есть, ваше величество. Поверьте, я сам не в восторге, но доктор, который занимался вскрытием, упомянул артефакторику. А единственный известный нам – и всем вашим подданным – артефактор в Рехши – это, простите, ваша жена...

Шедар помолчал. Потом побарабанил пальцами по скатерти, о чем-то размышляя. Глянул на Роя, как-то особенно пронзительно и больно, словно шип под кожу загнал.

– Знаешь, – сказал тихо, – на самом деле я понятия не имею, чем занимается Льер. Но точно так же я уверен, что ей нет причин вытворять нечто подобное. Впрочем...

И, не успев Рой и слова сказать, Шедар схватил со стола колокольчик и позвонил.

– Ваше величество...

– Молчи.

Через минуту прибежал лакей и склонился в глубоком поклоне.

– Пойди скажи ее величеству, что я ее жду. Дело срочное.

– Ваше...

– Вот прямо сейчас ты и задашь все вопросы ей. Без хождений вокруг да около, без недомолвок и глупых домыслов, – отрубил Шедар. – И спасибо, что ты сказал мне сразу... обо всем...

– Я в самом деле... опечален всем этим, – честно сказал Рой. – Мне совершенно не хочется, чтобы ее величество считали... виновной... но люди могут говорить многое, и вам это известно.

– Ты ведь и сам ее недолюбливаешь. – Шедар тяжело вздохнул и совершенно по-мальчишечьи взъерошил темные волосы. – Я дурак. Надо было отпустить ее в Ависию. А я решил, что раз мы любим друг друга, то должны быть вместе. Это не всегда верно, да?

Рой передернул плечами. Слова короля отдавались тягучей, словно карамель, болью под сердцем.

Ну а что он может сделать? Льер – единственный артефактор Рехши.

«Единственный, о котором нам известно», – тут же поправил он себя.

Похоже, все будет очень непросто в этом деле.

– Я не недолюбливаю ее величество, – спокойно сказал Рой, – но я также не хочу, чтобы по городу поползли слухи и сплетни. Ничто не вспыхивает так знатно, как пламя мятежа, ваше величество.

– Ну так сделай так, чтобы особо говорливые вовремя заткнулись, – обронил Шедар, – и, желательно, навсегда...

Он резко замолчал, глядя куда-то за спину Рою, и тот понял, что пора бы подняться и поприветствовать королеву.

Льер... похорошела. Очень. Расцвела, как ависийская роза, когда тугой бутон раскрывается буйством красок и нежным ароматом.

Ее фарфоровая кожа мягко светилась, темно-красные локоны рассыпались по идеальным плечам, а нежно-голубое платье дополняло совершенно невероятный, сумасшедший цвет глаз. Цвет бирюзы.

– Ваше величество, – Рой поклонился, – я рад...

И вот тут Льер напомнила о том, что она вовсе не воздушная девочка из сна.

– Лорд Сандор, – капелька яда в голосе, – рада вас видеть. В прошлый раз...

– В прошлый раз я закрыл вас от ножа фанатика, – скупно улыбнулся он.

– Надеюсь, в этот раз нож будет не в вашей руке, – усмехнулась Льер.

– Дорогая, присядь, пожалуйста, – сказал Шедар. – Лорд Сандор принес дурные вести, и я хочу, чтобы ты их тоже услышала.

Взгляд бирюзовых глаз буквально впился в Роя, и Льер, поджав губы, молча села за стол. Рой вздохнул.

И с тоской подумал о том, что из-за своей прямооты, честности и симпатии к молодому королю сейчас впадет в немилость. С выгодной женитьбой тоже придется распрощаться.

– Рассказывайте, лорд Сандор, – приказал Шедар.

Именно приказал, не попросил.

Рой вздохнул еще раз. И рассказал – все, до последней мелочи, но при этом стараясь не смотреть на Льер. Претемный! Королева беременна, а он вынуждает ее слушать такие гадости.

Впрочем, когда умолк, первой подала голос именно Льер.

– А что-нибудь еще вырезали? – спросила она таким тоном, словно речь шла о рядовой покупке новой сумочки.

– Доктор указал мне только на это, – растерялся Рой, – но я могу настоять на повторном осмотре.

– Да-да, было бы неплохо, – деловито сказала королева.

Рой наконец нашел в себе силы посмотреть на нее – Льер подобралась на стуле, словно кошка, готовящаяся к прыжку. А красивое лицо – безмятежно, словно и не о кошмарном убийстве только что шла речь.

«Неужто и правда ее рук дело?!»

Он мотнул головой. Да нет же, нет...

– Я... понимаете, ваше величество, это все... опасно. Скажите честно, все это ведь не имеет к вам отношения? Чтобы я мог... защитить... вас же.

Льер улыбнулась, но во взгляде таял лед.

– Ты подозреваешь меня, – не вопрос, утверждение.

– В Рехши ведь нет больше артефакторов. Если нечто подобное повторится, начнутся сплетни...

– Дорогая, мне бы хотелось, чтобы ты убедила лорда Сандора в собственной невиновности, – сказал Шедар. – Если ты его убедишь, тогда он приложит определенные усилия, чтобы никаких слухов или сплетен не поползло по королевству.

Льер пожала плечами.

– А как я могу его убедить? Могу только просить поверить на слово. Но ведь лорд Сандор... не может верить всем, так ведь? – и снова пристальный, пластающий на куски взгляд.

– Если бы я был уверен в вашей виновности, то я бы не пришел сейчас вот так и не говорил бы с вами так, как говорю, – ответил Рой. – Я бы пришел уже с доказательствами вашей вины...

– Понятно, – королева кивнула. – Что ж, спасибо и на том, что не сразу потащили меня на костер.

– Льер, – прошелестел Шедар, – успокойся, пожалуйста.

– Я спокойна, любовь моя. И даже не обиделась. Мы ведь знали, что мне здесь будет нелегко, верно?

Рой понял, что пора уходить. Похоже, разговор медленно перерастал в разряд исключительно семейных. Ну а кто он такой? Ведь не член королевской семьи. Так, безродная шавка. Злой зубастый пес.

Он с тоской посмотрел на Шедара. Такой чистый душой... такой влюбленный и счастливый. И так мерзко чувствуешь себя, пачкая его счастье всей этой дрянью...

– Простите меня, – поклонился Шедару, затем – Льер, – видимо, мне лучше уйти. Буду разбираться с этим делом дальше.

Льер сидела, выпрямив спину, уронив обнаженные руки на атласный подол, и, кажется, о чем-то сосредоточенно размышляла.

Потом подняла на Роя взгляд, в котором кипели боль и обида. Искренние. Неподдельные.

– Вы... не там ищете, лорд Сандор. Это в самом деле не я, поверьте...

– Что вы, ваше величество, не стоит оправдываться. Я буду счастлив, если смог предупредить вас об опасности. Ну а убийство... что ж, займусь им.

– Постойте, лорд Сандор. – Внезапно Льер поднялась, подошла почти вплотную и заглянула в глаза. – Я хочу, чтоб вы мне верили. Я вынашиваю ребенка, я не буду резать трупы, будучи беременной, вы это понимаете? И не буду копаться в кишках, когда во мне уже живет новый человек. Вы мне верите?

– Верю, – выдохнул он, мечтая провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть ее боли.

– У вас под носом завелся сильный артефактор, о котором вы не знаете, – твердо сказала Льер. – А то, что он украл... видите ли, спектр применения данного ингредиента весьма широк. Настолько, что сейчас я даже не могу сказать, что будет изготовлено в итоге. Но... основной канон вещьмагии – смешивание ингредиентов одной природы. Ждите новых убийств, лорд Сандор, если только все это не было случайной выходкой сумасшедшего. Впрочем, сумасшедшие тоже могут повторяться.

– Это самое худшее, что я мог услышать за сегодняшний день, – пробормотал он.

И растерянно глянул на Шедара.

Король внимательно наблюдал. И молчал. Что-то обдумывал.

– Лорд Сандор, – вдруг сказал он, – я буду ждать... мы будем ждать тебя вместе с Льер послезавтра. Послезавтра ты получишь мой приказ для заключения брака с Бьянкой Эверси, а Льер, возможно, подготовит список артефактов, которые может желать изготовить наш убийца.

Рой кивнул. И уже собрался было уходить, как на самом краю ощущений звякнула натянутая струна.

– Прикажите усилить охрану дворца, а в особенности покоев королевы, ваше величество. А я пошлю верных мне людей заблокировать сеть тайных ходов. Так будет безопаснее.

Он покинул королевскую чету в отвратительном расположении духа.

Льер Ависийская... Ну надо же, взорвала узурпатора и не поморщилась, а тут смотрит так, словно он, Рой Сандор, ягненка пнул.

Играла ли она?

Вряд ли.

И ее это признание, мол, беременная не полезу в кишках ковыряться...

Может быть, и в самом деле Льер совершенно ни при чем, а он не видит дальше собственного носа? А тем временем в Рехши обосновался неведомый артефактор, который не гнушается грязными убийствами?

«Темный знает что», – Рой хмурился.

И чем дальше, тем меньше ему нравилось происходящее. А что, если кто-то намеренно подставил Льер, чтоб избавиться от ависийской ведьмы?

– Лорд Сандор! Подождите!

Он невольно замер, услышав за спиной drobный стук каблучков. Обернулся, чтобы увидеть Льер. Она, приподняв подол великолепного платья, торопилась следом и даже запыхалась.

– Ваше величество, – он торопливо поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.